

Н.М.Кейзеров

НАТОП
ПОТРЕБИ
ДАТОДАГА
ПОТРЕБИТЕЛЬ
ДАТОДАГА
ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА

Н. М. КЕЙЗЕРОВ

ПАТОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА

**Критика буржуазного
образа жизни**

Издательство
политической литературы
Москва
1977

1ФБ

К33

Кейзеров Н. М.

К33 Патология потребительства. Критика буржуазного образа жизни. М., Политиздат, 1977.

135 с.

В книге доктора философских наук, профессора Н. М. Кейзера, содержится критический анализ «потребительской модели» буржуазного образа жизни, раскрываются ее социальные корни, критикуются аргументы, используемые для обоснования потребительской идеологии. В ней подробно прослеживается, как потребительство пронизывает капиталистический строй сверху донизу, оказывая влияние на сферу труда и быта, политику и культуру, отношение к человеку и к природе. Автор анализирует новые явления в буржуазной политике и пропаганде, свидетельствующие о кризисе потребительской идеологии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**К 10506—163
079(02)—77 158—77**

1ФБ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1977 г.

Одной из важных особенностей современной идеологической борьбы является выдвижение на первый план проблем, связанных с образом и уровнем жизни, с пониманием его социально-классовой природы, его наиболее существенных черт и проявлений. Вопрос о том, какой общественный строй в состоянии удовлетворить требования социального прогресса, обеспечить интересы и потребности трудящихся, стоит ныне в центре идеологического противоборства двух мировых систем.

Сердцевиной большинства современных антикоммунистических кампаний на Западе являются спекуляции вокруг проблемы потребления, как важного элемента образа жизни. В связи с этим умножаются попытки наших противников извратить принципиальные преимущества социализма, становится все более изощренной апологетика капиталистического строя. На «потребительскую модель» образа жизни, поведения и мышления замыкаются многие современные буржуазные, ревизионистские и реформистские идеологические течения, от ультраправых до левоэкстремистских.

Руководствуясь ленинским указанием об огромном значении выявления и оценки «наиболее распространенных или наиболее вредных для демократии и для социализма идейно-политических течений данного времени»¹, следует подчеркнуть, что потребительская идеология и психология становятся одним из наиболее опасных орудий антикоммунизма.

Составляя неотъемлемый элемент буржуазного образа жизни, они активно используются во внеш-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 357.

ней и внутренней пропаганде современного империализма.

Какие факторы определяют и стимулируют все возрастающий интерес к проблеме образа жизни? Чем можно объяснить тенденцию ко все более интенсивной и многогранной интерпретации проблемы образа жизни в связи с уровнем и стандартами потребления в современной борьбе идеологий?

Выдвижение на первый план в этой борьбе проблемы образа жизни определяется в первую очередь возрастанием влияния социалистического образа жизни, достижениями реального социализма на пути к обеспечению высокого уровня жизни, оптимального соотношения материальных и духовных потребностей. Обнаруживается характерная тенденция: чем полнее и глубже проявляются преимущества социалистического образа жизни в обеспечении потребностей трудящихся, тем активнее наши противники пытаются противопоставить всемирно-историческим достижениям социализма различные модели буржуазного образа жизни.

По мере того как капиталистическая экономика все глубже увязает в трясине кризиса, терпят крах буржуазные пропагандистские кампании, спекулирующие на теме «процветания», «всеобщего благоденствия». «Теперь все видят: опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами,— миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал. Тяжкое бремя легло на плечи народных масс»¹. Недовольство системой частного предпринимательства и всем буржуазным образом жизни приобретает массовый характер. Бизнес нередко получает самые низкие оценки в общественном мнении, обнаруживающем негативное отношение к его ориентации лишь на получение прибыли, забвению общественных интересов, безответственности и нечестности. «...Капитализм,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 28.

Октябрьской социалистической революции», — порождает глубокий моральный кризис общества, духовную деградацию, потребительское отношение к жизни, культ насилия, деформирующие личность»¹.

Кризис буржуазной идеологии, в частности, откровенно апологетических моделей буржуазного образа жизни по мере нарастания социальных антагонизмов капитализма приводит к существенным изменениям структуры, методов, тактики буржуазной пропаганды. В условиях разрядки международной напряженности изменяется соотношение между разработкой теоретических доктрин и размахом пропагандистских кампаний, между такими методами буржуазной пропаганды, как использование тенденциозной информации и идеологические диверсии. В пропаганде западных радиостанций на социалистические страны, удельный вес которой в последние годы многократно возрос, наряду с апологетикой буржуазного образа жизни на теоретическом уровне все чаще используется внедрение разного рода предрассудков и стереотипов буржуазного обыденного сознания, потребительской психологии, мещанской морали, разжигание частнособственнических страстей и инстинктов.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев в числе социальных явлений, которые «противоречат самой сути нашего строя», назвал стяжательство, частнособственнические тенденции, равнодушие к человеку и прочие рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии.

Все это диктует необходимость детального критического анализа социальных корней, философских аргументов, которые лежат в основе потребительской идеологии, выявления социальной природы и сущности потребительства, объективных и субъективных предпосылок его существования, форм проявления.

Критике потребительства («консюмеризма») как одной из наиболее характерных черт буржуазного образа жизни, критическому анализу потребитель-

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года». М., 1977, стр. 17.

ской идеологии посвящено значительное число работ советских ученых¹.

В данной работе автор стремится показать тлетьорное влияние потребительства на важнейшие стороны буржуазного образа жизни, начиная с экономических его основ вплоть до духовно-идеологической сферы, сосредоточить внимание на тех проявлениях идеологии потребительства, которые наглядно свидетельствуют о ее кризисе.

¹ См. Ю. А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966; Л. Н. Жилина, Н. Т. Фролова. Проблемы потребления и воспитание личности. М., 1969; Г. К. Ашин. Доктрина «массового общества». М., 1971; Б. Н. Бессонов. Идеология духовного подавления. М., 1971; О. А. Феофанов. США: реклама и общество. М., 1974; «Социально-экономические проблемы трудящихся капиталистических стран». М., 1974; В. В. Кортунов. Идеология и политика. М., 1974; А. Г. Милейковский. Кризисные процессы в «обществе потребления». — «США — экономика, политика, идеология», 1974, № 4-5; Ю. А. Красин. Революцией устрашенные. М., 1975; Г. Дилигенский. Потребности личности и общество. — «Коммунист», 1975, № 6; Б. В. Жировов. Нищета доктрины потребительства. М., 1976; В. Мотяшов. Потребляющий мир: за и против. М., 1976 и др.

Типы идеологии потребительства

Человечество вступило в последнюю четверть второго тысячелетия нашей эры. К рубежам двухтысячного года устремляется не только мысль футурологов, пытающихся дать хотя бы общий эскиз образа жизни человека будущего. Открывающиеся горизонты нового тысячелетия накладывают свой отпечаток на весь склад мышления современного человека. Когда люди оперируют в своих рассуждениях подобными масштабами, это невольно побуждает подходить к оценке событий с более широкой исторической мерой, видеть социальные явления крупным планом.

Наш современник является свидетелем невиданного ускорения темпов социальных преобразований. За время меньшее, чем средняя продолжительность жизни человека, первая в мире страна социализма прошла путь, равный столетиям.

На XXV съезде партии в связи с приближающимся шестидесятилетием Великого Октября были подведены итоги сделанного партией и народом:

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса.

Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллек-

тивизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими,— таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности»¹.

Резким контрастом социализму является охваченный кризисом мир капитала. Хроническая инфляция и падение жизненного уровня трудящихся, растущая недогрузка производственных мощностей и безработица миллионов трудящихся, неустойчивость валютной системы, моральный распад и политические потрясения, безысходный пессимизм и неуверенность в завтрашнем дне — все это характерные черты кризиса капиталистического строя, проявления буржуазного образа жизни.

Западная пресса последних лет даже по употребляемой терминологии напоминает своеобразную историю болезни. В ней все чаще встречаются выражения «больное общество», «нездоровая экономика», «экономический коллапс», «экоспазмы», «сонная депрессия», «футурошок», «социальные аномалии» и т. д. Все это ясные и недвусмысленные симптомы того, что капитализм поражен неизлечимым недугом.

Диагноз этой болезни был поставлен еще классиками марксизма-ленинизма: капиталистический строй, основанный на эксплуатации и стяжательстве, пришел в непримиримое противоречие с потребностями общественного прогресса. Частная собственность завела общество в тупик.

«Буржуазия,— писал В. И. Ленин,— из подымающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Подымающимся — в широком историческом масштабе — стал совсем иной класс»². Общество «частной инициативы» пришло в упадок и не в состоянии решить ни одну из наболевших социальных проблем. Историческая инициатива переходит к рабочему классу, который выражает интересы всех трудящихся, потребности социального прогресса.

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 87.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 145—146.

Изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма, усилившаяся притягательность социалистического образа жизни, активизация борьбы трудящихся в капиталистических странах за свои права вынуждают буржуазию маневрировать, идти на уступки. Такая практика получает широкое распространение в условиях кризиса. Эти уступки часто носят половинчатый характер, стратеги империализма при первой возможности стремятся свести их на нет. Их сохранение требует постоянной бдительности и напряженной борьбы.

Особенно активно империалистическая буржуазия использует сегодня мощный аппарат духовного подавления трудящихся. Идеологи антикоммунизма обращаются с призывами использовать условия разрядки для того, чтобы «опрокинуть» или хотя бы «потеснить» марксизм, «пробить новые бреши» и т. д. Теоретики современной социал-демократии изобретают всевозможные «гибриды» социализма и капитализма, толкуют о конвергенции двух систем, их «дрейфе» навстречу друг другу. Ревизионисты и реформисты в своих писаниях буквально терроризируют читателя вопросами: кому сегодня принадлежит идеологическая инициатива? какая инициатива диктуется жизнью? какая политическая сила является наиболее инициативной в обеспечении интересов и потребностей людей, общества?

Выдвигая концепции «общества всеобщего благоденствия», «общества изобилия», «общества массового потребления» и т. д., буржуазные идеологи ставили своей целью приписать капитализму инициативу в обеспечении потребностей трудящихся, в их развитии. В качестве характерной черты образа жизни людей в этом обществе прокламировался высокий уровень удовлетворения потребностей, образ жизни потребителя рисовался в идиллических тонах, в его описании преобладали розовые цвета в духе миражей «экономического чуда», «эпохи процветания» и т. д.

Концепциям «общества массового потребления», представляющим собой типичный образчик апологетики капитализма, присуща явная антикоммунистическая направленность. Некоторые буржуазные теоретики прямо ссылались на положение К. Маркса в

«Критике Готской программы» о том, что при коммунизме вырастут «производительные силы и все источники общественного богатства полются полным потоком...»¹. Эта ссылка наших противников на известное марксистское положение не имела, конечно, в виду его популяризацию. «Логика» их рассуждений такова. Для того чтобы все источники общественного богатства «полились полным потоком» и было достигнуто изобилие материальных благ, необходим высокий уровень развития производительных сил. Но такой уровень достижим и в условиях капитализма. Следовательно, и здесь на каком-то этапе создаются возможности для обеспечения высокого уровня потребления, удовлетворяются потребности трудящихся в одежде, жилище, питании и пр. Зачем же общественная собственность на средства производства, когда сходного результата можно якобы достичь и при капитализме?

Разразившийся в последние годы экономический кризис капиталистической системы весьма недвусмысленно ответил на этот вопрос.

Подавляющее большинство граждан на Западе, опрошенных институтами общественного мнения, выражают озабоченность кризисом капиталистической экономики и его социальными последствиями, сказывающимися в особенности в сфере потребления. Со стороны буржуазных теоретиков усиливаются попытки обосновать такую «потребительскую модель», которая отвечала бы «стратегии выживания» в новых условиях.

Кто только не говорит сегодня на Западе о потребностях и социальных нуждах, о защите потребителя и его интересов! Идеологи монополий, перекладывая бремя кризиса на плечи трудящихся, на все лады толкуют о «высших интересах нации», взывают к гражданским чувствам потребителя. Стратеги империалистической буржуазии, прикрывая свои антнародные программы «обеспечения социальных нужд» демагогическими лозунгами, ведут развернутое наступление на жизненный уровень трудящихся. Теоретики социал-демократии выдвигают проекты реформирования капиталистического

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 20.

строя под флагом решения проблем научно-технической революции в интересах «обогащения жизни» личности, повышения «качества жизни». В пропагандистских кампаниях на Западе все чаще фигурирует тезис, будто поразивший капиталистический мир кризис, резкое падение жизненного уровня представляют «расплату за чрезмерное потребление», за вырванные ранее профсоюзами у предпринимателей уступки в виде повышения заработной платы и т. д. Идеологи левоэкстремистского толка в критике «потребительских устремлений», по существу, смыкаются с теми апологетами капитализма, которые еще вчера толковали о «потребительском рае», а сегодня видят источник всех бед и зол в «издержках потребления».

В последние годы среди буржуазных теоретиков, разрабатывающих так называемую «потребительскую модель» образа жизни, наметились некоторые новые тенденции.

Апологеты «общества массового потребления» стали акцентировать внимание на второстепенных деталях и моментах процесса обращения товаров и удовлетворения потребностей в ущерб существу дела. Например, фиксируя факт массового производства товаров, экономисты и социологи устраниются от анализа, в какой мере трудящийся может удовлетворить свои потребности. А ведь ответ на вопрос, что реально может почерпнуть человек из океана вещей, создаваемых современной промышленностью, только и делает возможным предметный разговор о потреблении.

Как известно, потребление и потребительство — разные вещи. Потребление необходимо. Без него человек существовать не может. Другое дело — потребительство, коренящееся в сущности частнособственных отношений антагонистического общества и разделяющее его судьбу. Коммунистические партии выступают за расширение потребления трудящихся, но против потребительства.

Потребительство как социальное явление много-планово, неоднозначно, оно имеет разнообразные проявления, которые было бы ошибкой отождествлять.

Потребительство власть имущих представляет собой разновидность социального паразитизма, т. е.

потребление без труда. В этом смысле потребительство является закономерным продуктом отношений эксплуатации человека человеком, проявляющимся в стремлении к наживе любой ценой, стяжательстве, хищническом отношении к человеку, разграблении природных богатств и т. д.

Идеология стяжательства пронизывает буржуазный образ жизни во всех его проявлениях, накладывает свой отпечаток на экономику, политику, идеологию, культуру. Это неизбежное следствие существования класса, который, по словам К. Маркса, «только потребляет не производя».

В. И. Ленин рассматривал империализм как «паразитический или загнивающий капитализм», что во все не означает остановки научно-технического прогресса. Однако и в условиях экономического роста его «паразитические черты» выступают особенно ярко. Характеризуя «классические формы» паразитизма, В. И. Ленин назвал присущий империализму экспорт капитала «паразитизмом в квадрате». Паразитический характер образа жизни империалистической буржуазии в современных условиях еще более усиливается, получает новые формы своего проявления, дополняющие и подтверждающие справедливость ленинской характеристики процесса загнивания капитализма. «Монополистическая буржуазия,— отмечается в Программе КПСС,— является бесполезным наростом на общественном организме, излишней для процесса производства. Заводами и фабриками управляют наемные директора, инженеры и техники. Монополисты ведут паразитический образ жизни, поглощая вместе со своей челядью значительную часть национального дохода, создаваемого трудом пролетариев и крестьян»¹.

Потребительство не сводится только к паразитическому потреблению без труда, характеризующему образ жизни эксплуататорской элиты. Потребительской идеологией заражена и мелкая буржуазия, которая по своей классовой природе двойственна. Это обуславливает противоречивость мелкобуржуазной идеологии и психологии. Буржуазная пропаганда,

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1976, стр. 29—30.

оперируя потребительскими лозунгами, учитывает восприимчивость мелкой буржуазии и других социальных слоев к «чувству собственника», к наследственному, индивидуалистическим взглядам и образу действий. Базиллы потребительства отравляют сознание и некоторой части рабочего класса в капиталистических странах, хотя его образ жизни по своей природе не потребительский, а трудовой. Используя мощный аппарат средств массовой информации и пропаганды, машину торговой рекламы, буржуазия пытается навязать рабочему классу, другим слоям трудящихся стандарты потребительской идеологии и психологии.

Потребительство находит выражение в дисгармонии материальных и духовных потребностей. Оно проявляется в мещанском культе вещей, в так называемом «вещизме», когда погоня за материальными символами благополучия ведет к духовному обеднению личности, к ее нравственному распаду.

М. Горький в «Заметках о мещанстве» заклеймил уродливый собственнический дух мещанства. Отвратительный мещанский индивидуализм, писал М. Горький, «ставит «я» в центре мира — нечто удивительно противное, напыщенное и нищенское. Подумайте, как это красиво — в центре мира стоит жирный человек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, человек, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несытый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, «я» для этого паразита — все!»

Таким образом, потребительство выступает как социальная аномалия. Это — присущее эксплуататорскому обществу гипертрофирование одних потребностей в ущерб другим. Это — приоритет потребностей господствующего класса, купающихся в роскоши верхних «десяти тысяч». Это — игнорирование действительных потребностей миллионов трудящихся. Это — индустрия создания искусственных потребностей, ненужных и часто вредных. Это — деформация потребностей людей, их духовное, интеллектуальное обнищание.

Для различных вариантов доктрины потребительства характерны демагогические утверждения, будто

буржуазное общество целиком и полностью ориентировано на потребителя, служит его интересам. Это нашло свое выражение в формулах «король-потребление», «бизнес служит обществу», в попытках представить бизнесменов в виде отцов-благодетелей, денежно и иначе пекущихся о пользе граждан и удовлетворении их потребностей.

Посредством подобного рода рассуждений маскируется главная цель капиталистического производства — извлечение максимальной прибыли. Между тем несостоительность попыток представить потребление в качестве цели капиталистического производства изобличена марксизмом еще в прошлом веке. «Никогда не следует забывать,— писал К. Маркс,— что при капиталистическом производстве дело идет не непосредственно о потребительной стоимости, а о меновой стоимости и особенно об увеличении прибавочной стоимости. Это есть движущий мотив капиталистического производства, и недурно выглядит та концепция, которая, чтобы посредством рассуждений отмахнуться от противоречий капиталистического производства, отвлекается от его основы и изображает его как производство, имеющее целью обеспечить непосредственное потребление производителей»¹.

Движущей силой буржуазного общества остается накопление капитала. Его высшей ценностью является не человек, а увеличение прибавочной стоимости, чему подчинены все другие ценности общества.

Своекорыстная расчетливость и стремление к выгоде пронизывают буржуазный образ жизни. Французский писатель-коммунист, литературный критик А. Вюромсер отмечает, что главный мотив действия персонажей произведений Мольера и Бальзака — имущественный интерес. Если из комедии Мольера исключить денежные комбинации, то исчезает главная пружина интриги и от сюжета ничего не остается. В свою очередь Бальзак в «Человеческой комедии» изобразил, по его словам, «восходящее движение денег», стремление буржуа разбогатеть, не гнушаясь любыми средствами. В его романах в уста его героев-буржуа вложены афоризмы: «деньги — основа всех тайн», «капитал — это птица, которой не стра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 550.

шен свинец любых законов», «никакой государь не смеет поднять руки на деньги», «что стало бы с нашим обществом, если бы мы вздумали доискиваться происхождения всякого богатства?» и т. д. «Восходящее движение денег» возносит буржуа на верхние ступеньки социальной лестницы, но в то же время обрекает на нравственную деградацию. Духовный мир человека суживается, подобно шагреневой коже, под властью денег. Таков вывод гениального писателя.

Одним из важнейших вопросов, по которым диаметрально противоположны позиции социалистической и буржуазной идеологии, принципы социалистического и буржуазного образа жизни, является понимание сущности и социальной роли труда в общественной жизни, отношение к нему.

Здесь наглядно проявляются несовместимость марксистско-ленинского и буржуазного подхода к образу жизни, противоположность коммунистической и потребительской морали и идеологии.

Марксизм-ленинизм отстаивает положение о первенствующей роли труда в развитии общества и во всех проявлениях человеческой личности.

Процесс труда представляет собой, как известно, целесообразную деятельность, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой. Труд, т. е. прежде всего производство материальных благ, есть естественное условие человеческой жизни, и потому он присущ всем ее общественным формам. Это необходимая предпосылка существования человеческого общества. При этом содержание и характер труда принципиально различаются в зависимости от особенностей общественно-экономической формации.

В антагонистических формациях создаются условия для возникновения паразитизма господствующего класса. Особенно наглядные, откровенные формы он приобрел в рабовладельческом обществе. Известно, что рабовладельцы смотрели на труд как на презренное дело, недостойное человека. «...Труд носит на себе клеймо рабства и рассматривается лишь как пьедестал для праздного гражданина...»¹ — писал К. Маркс.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 297.

При социализме ликвидируется эксплуатация чужого труда. Труд, освобожденный от эксплуатации, все более наполняется творческим содержанием, в процессе перехода к коммунизму он постепенно превращается в первую жизненную потребность человека, выступает как основа гармоничного и всестороннего развития личности.

Для различных концепций «общества потребления» характерно прежде всего отрицание роли труда как основной предпосылки существования человеческой цивилизации. Разумеется, такое отрицание осуществляется не всегда прямо, иногда это делается окольным образом, например путем подчеркивания первенствующей роли потребления.

По мнению некоторых зарубежных социологов, труд становится исчезающе малой величиной в системе интересов современной личности. Так, французские социологи Ж. Фридман, Ж. Дюмазедье и другие полагают, что центр тяжести жизни людей, который до сих пор для громадного большинства из них находился в области труда, перемещается в нетрудовую сферу, в область досуга. Идеологи лево-экстремистского толка выступают с установкой на «преодоление труда» как такового, рассматривая труд только как «этап» в истории человечества. Перед нами своего рода вариация библейского мифа о труде как о проклятии человека и мучении. Согласно подобным утопиям, гигантское развитие производительных сил, в частности достижения в области автоматики, использование ядерной энергии, освободит человека сначала от ручного труда, затем от всякой производительной деятельности. Подобные рассуждения об «отмене труда», о наступлении эры «цивилизации досуга», «труда-игры» представляют разновидность реакционной утопии, в пропаганду которой вложили немалую лепту и идеологи «новых левых», утверждающие, что лишь труд, идентичный игре, не может быть отчужден. Борьба за свободу представляет собой, согласно таким взглядам, не протест против эксплуатации труда, а бунт против труда как такового.

В буржуазной печати последних лет нередко можно встретить рассуждения о том, что автоматизация производства в такой мере освободила человека от

физических и умственных усилий, что само понятие «труд» теперь утрачивает свой смысл, а категории трудовой этики якобы устаревают и неприемлемы.

Французский буржуазный философ Р. Рюье в книге «Похвала обществу потребления» (1969 г.) заявляет, что человек прежде всего *homo ludens* (человек играющий), а не *homo laborans* (человек работающий). Поэтому труд в принципе противоречит человеческой натуре: люди стремятся при малейшей возможности заниматься не трудом, а развлечениями (играми).

По мнению Р. Рюье, в современном обществе старый принцип «ничто человеческое мне не чуждо» принимает, так сказать, потребительскую форму. У человека возникает психологическая потребность приобщиться к «благам цивилизации» просто потому, что он человек, который уже в силу этого имеет право на обладание без предварительной затраты труда. Получается, что человеку свойствен некий первородный потребительский инстинкт пользоваться благами без труда. Между тем история человечества свидетельствует о том, что феномен социального паразитизма (потребление без труда) ничего общего не имеет с природой человека как такового и представляет собой всецело продукт особых социальных условий, частнособственнических отношений, основанных на эксплуатации человека человеком. В этих условиях и возникает паразитический, непроизводительный класс, образ жизни которого действительно является «цивилизацией потребления», отмечен праздностью, а не трудом. Это образ жизни людей, которые, по выражению Горация, «рождены для вкушения плодов». Но существование такой социальной группы отнюдь не отменяет производства, его жизненной необходимости.

Идея «отмены труда» имеет своей предпосылкой в конечном счете отрицание исторической роли рабочего класса. С нею тесно связаны теории «исчезновения пролетариата», возникновения «нового среднего класса» и другие концепции, в которых потребление возводится в абсолют и отрывается от труда.

Буржуазные идеологи утверждают, что вместе с утратой трудом его социальной значимости радикально изменится и роль социальных институтов,

связанных с трудовой деятельностью. С точки зрения теоретиков «постиндустриального общества» (А. Турена, Д. Белла и др.), уже сегодня на первый план взамен производственного предприятия выдвигается «мозговой центр», университет, научно-исследовательские институты и т. д.

«Упраздняя» труд и связанные с ним социальные институты, идеологи буржуазии тем самым «депролетаризируют» общество, пытаются преуменьшить роль рабочего класса в обществе. На первый план они выдвигают рантье, «золотую молодежь». Некоторые из них объявляют об исчезновении и «праздного класса». Таким путем они пытаются подвести к выводу об «исчезновении» классовых противоположностей, социального неравенства.

Западногерманский буржуазный социолог Г. Маркус в книге «Ленивое общество» (1974 г.) говорит о тревожном несоответствии между производительной и непроизводительной частью населения при капитализме. Оно действительно внушает опасения, поскольку несоответствие в распределении доходов ведет к росту «праздных слоев». Г. Маркус не раскрывает классовые корни социального паразитизма и лишь констатирует, что дифференциация общества на трудолюбивых и лодырей дополняет раковую опухоль «эксплуатации экономически слабых экономически сильными».

Труд, как уже говорилось, есть всеобщее условие существования цивилизации. Поэтому может создаться впечатление, что идеологи буржуазии рассуждениями об «отмене труда» рубят сук, на котором покоится благополучие класса, интересы которого они защищают.

За столетия своего классового господства буржуазия, создавая механизм манипулирования сознанием и поведением людей, научилась использовать, на первый взгляд, совершенно противоположные утверждения. Поэтому положения об «отмене труда» нередко сочетаются у буржуазных идеологов с опасениями, что отмена частной собственности приведет к «всеобщей лености» и тем самым к деградации общества.

Отношение буржуазии к труду — двойственно и противоречиво. С одной стороны, она не может совершенно отрицать значение труда хотя бы потому,

что живет за счет чужого труда. Поэтому идеологи буржуазии признают ценность труда. «Нет сомнения в том, что труд занимает центральное место в жизни современных американцев», — пишет американский социолог У. Слокум. В современной индустриальной социологии, которая в послевоенные годы довольно бурно развивается на Западе, категория труда является исходной. Труд исследуется во многих своих измерениях: как источник существования и регулятор активности людей на производстве и вне его, в качестве основания взаимосвязей, взаимоотношений членов общества и т. д.

Нередко в западной печати приводятся факты, свидетельствующие о том, что дети состоятельных буржуа работают с ведома и поощрения своих родителей в качестве официантов, клерков и т. д. Такие факты обычно подаются читателю с подтекстом: вот, мол, буржуазия, а не чуждается труда. Прежде всего не надо преувеличивать значение подобного рода случаев. Это не традиция, а в кругах средней и особенно крупной буржуазии — редкие эпизоды, носящие по преимуществу символический характер. Буржуа, конечно, отдает себе отчет в воспитательном значении самостоятельного труда, особенно с точки зрения познания жизни и людей. К миссии управления людьми будущий хозяин, таким образом, готовится до университета или наряду с ним. Нельзя сбрасывать со счета и буржуазные легенды о происхождении современных капиталов, различные вариации на тему о том, что добродетель в конечном счете вознаграждается, трудолюбивый и бережливый становится богатым. Это один из мифов «общества открытых возможностей». К. Маркс в «Капитале» подверг критике утверждения буржуазных идеологов о трудовом происхождении капитала, показав, что уже при своем появлении он истоцает кровь и грязь из всех своих пор.

Классовый инстинкт не обманывает буржуазию насчет необходимости труда. Вместе с тем в системе ценностей буржуазного общества на первом месте стоит не труд, как таковой, а предпринимательство, деятельность по накоплению капитала.

Можно без преувеличения сказать, что буржуазная пропаганда использует «потребительскую мо-

дель» образа жизни как одно из наиболее мощных средств манипулирования сознанием и поведением людей.

Область потребления избрана в качестве объекта теоретических спекуляций не случайно. К. Маркс отмечал, что подавляющее большинство своих представлений буржуазный идеолог черпает из сферы обращения и обмена товаров, рассматривая ее как «эдем прирожденных прав человека»¹, где господствуют только свобода, равенство, стремление к личной выгоде и удовлетворению потребностей. «Общество потребления» изображается его проповедниками как социальная система, где господствуют потребители с их интересами, управляющие (через рынок или другим путем) производством. Однако при этом упускается из виду такое явление современной капиталистической действительности, как диктат монополий. Даже многие зарубежные исследователи вынуждены признать, что потребитель не более чем игрушка в их руках.

Вместе с тем было бы упрощением представлять дело таким образом, будто концепция «общества потребления» не имеет под собой никакой объективной основы. Наталкиваясь на физические пределы эксплуатации рабочей силы и такие социальные факты, как усиление борьбы рабочего класса против все-властвия монополий, за повышение уровня жизни, буржуазия прибегает к различным средствам маневрирования, активно использует достижения научно-технической революции для расширения производства.

Следует иметь в виду, что концепция «общества потребления», потребительская идеология складывалась на протяжении десятилетий. Это весьма разнородный конгломерат взглядов, своеобразный плод коллективных усилий социологов, экономистов, философов, юристов и представителей других отраслей обществоведения. Разработка этих идей связана с именами Дж. Катоны, Ж. Фурастье, Р. Арон, Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу и других видных буржуазных социологов и экономистов. Американский социолог Дж. Катона в книге «Общество массового потребле-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 187.

ния» (1964 г.) пытался представить возникновение «общества массового потребления» в виде явления, беспрецедентного в истории человечества. Оно характеризуется им такими главными чертами, как изобилие, власть потребителя и потребительская психология в качестве фактора потребительского спроса.

В книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия» (1958 г.) переход от состояния нищеты и нехватки к изобилию рассматривается еще как гипотетическая возможность роста производительности труда, использования новой технологии. Потенциальная возможность достижения изобилия играет роль подстегивающего, взвадривающего экономический рост средства. «Богатая страна,— писал Дж. Гэлбрейт,— которая руководит своими делами в соответствии с идеями иного, более бедного века, не использует полностью свои возможности. Не понимая сама себя, она неуклонно прописывает себе в периоды трудностей несоответствующие средства терапии». В описании Дж. Гэлбрейта американское общество менее всего напоминало страну изобилия. Наоборот, существование обширных «территорий нищеты», огромного экономического неравенства, нерациональное использование природных ресурсов и технических возможностей, диктат монополий над потребителем, навязывание ему социально вредных потребностей— в этих условиях говорить об «обществе изобилия» можно было только как о «теряющей возможности», отдаленной перспективе.

В теории стадий экономического роста, выдвинутой У. Ростоу и представляющей один из вариантов анализируемой концепции, проводится идея, что любое общество должно пройти ряд стадий: традиционное общество, переходное общество, в котором закладываются основы преобразований, общество, переживающее процесс сдвига и подъема, общество, находящееся в состоянии зрелости, и, наконец, общество, достигшее стадии «массового потребления». Главный вывод состоит в том, что США вступили в эру «массового потребления». По мнению У. Ростоу, находясь в стадии зрелости, общество делает упор на решении четырех общих задач: на усилении внешней власти и влияния страны, создании «государства благоден-

ствия», повышении уровня «массового потребления» и увеличении досуга. При этом понятие «стадия зрелости» используется применительно и к капитализму, и к социализму. Главным фактором перехода общества в эту стадию представляется развитие техники, изменения в уровне экономического развития и в сфере распределения. Развитие техники рассматривается в отрыве от процессов, происходящих в производственных отношениях.

Буржуазные идеологи концентрируют внимание на технике для того, чтобы оставить в тени отношения между классами, снять вопрос о необходимости их революционного изменения. Между тем только социалистическая революция, переход власти в руки трудящихся приводит к созданию общественного строя, принципиально отличного от капитализма, к установлению общественных отношений, являющихся стимулом технического прогресса, роста производства как основы повышения благосостояния народа.

Характерно, что все творцы концепции «общества изобилия» впоследствии в той или иной форме вынуждены были уточнять свои позиции и взгляды. Так, в поздних работах У. Ростоу обнаруживается более реалистическое понимание противоречий капитализма, содержится признание, что их рост приводит к обострению идеологической конфронтации внутри общества. Достижение лишь технической зрелости, как признает У. Ростоу, не дает решения социальных проблем капиталистического общества, необходимо обратить внимание на политические и моральные проблемы.

Дж. Гэлбрейт в первых своих работах приукрашивал «планирующие функции» «зрелых корпораций», обеспечивающих интересы потребителя, короче говоря, объективно выступал идеологом крупных монополий и рассматривал средние слои как «обочину» общества. В своих последних работах Дж. Гэлбрейт высказывает острые критические суждения в адрес корпораций, преследующих антиобщественные цели и выступающих виновниками нерационального потребления, застоя, инфляции, расточительства. «Суверенитет потребителя», по его словам, попирается. Дж. Гэлбрейт обращает свой взор уже не к ме-

неджерам и технократам, а к мелкой буржуазии, к служащим, торговцам, домашним хозяйствам. Преобразовать существующую структуру расточительного потребления в рациональное можно только в рамках семьи, осознавшей свое общественное назначение и эмансирировавшей женщину, пишет Дж. Гэлбрейт. В его рассуждениях присутствуют многие из старых рецептов «оздоровления» общества в духе буржуазного либерализма: добрый и энергичный президент, усовершенствование системы демократических институтов, деятельный конгресс и т. п. Однако до сих пор ни один из подобных рецептов не принес капиталистической системе избавления от ее недугов.

Буржуазные идеологи утопией «общества изобилия» пытались отвлечь внимание масс от социалистической перспективы. Одновременно маскировались резкие социальные контрасты, присущие буржуазному строю. Этим контрастам присуща тенденция не к сглаживанию, как пытались представить дело глашатаи «общества массового потребления», а к углублению, обострению. За период с 1970 по 1975 г. прибыли монополистов значительно увеличились, а покупательная способность трудящихся в условиях инфляции резко упала. В печати можно встретить описание увеселений богачей, которые за один вечер могут потратить столько денег, сколько рабочий не зарабатывает и за всю свою жизнь. Привилегированный класс расходует в десятки раз больше, чем трудящиеся, на одежду, жилище, транспорт, развлечения. Во Франции сегодня по крайней мере 16 млн. трудящихся не располагают самым необходимым для себя и своих семей. По данным французских социологов, более 35% трудящихся не были в отпуске свыше трех лет.

В США инфляция и сокращение производства в последние годы резко ударили по покупательной способности трудящихся масс. Рост цен характерен для многих продуктов питания. Квартплата, поглощавшая ранее у рабочего около четверти его доходов, увеличилась в 1974—1975 гг. на 33%. Вздорожал транспорт и другие услуги. По официальной статистике, 25 млн. американцев имеют уровень жизни, значительно более низкий, чем официальный прожиточный минимум.

Экономический кризис углубил несоответствие между мифами «общества потребления» и реальной действительностью. Но заведенный механизм потребительской пропаганды и торговой рекламы продолжает действовать. Тысячи товаров обступают и теснят потребителя — теперь, увы, нередко и неплатежеспособного. В условиях обостряющихся противоречий капитализма усиливается разлад между буржуазной пропагандой, оперирующей стереотипами потребительской идеологии, и образом жизни миллионов трудящихся.

Тирания вещей и потребительское отношение к человеку

В финале фильма М. Антониони «Забриски-пойнт» героиня в пароксизме ненависти взрывает фешенебельную виллу бизнесмена, которая как бы олицетворяет собой все блага изобилия.

Взлетает в воздух разная домашняя утварь. Стены, балки, перекрытия, терраса, огромные стекла окон, крыша — все разрушено, превращено в пыль и прах. Распадается на разноцветные лоскутья одежда в шкафу. Телевизор и красовавшаяся на нем ваза с цветами, стоявшее рядом кресло разлетаются вдребезги. Взрывается холодильник, до отказа набитый снедью. В воздухе, как рекламная карусель, медленно плывут рыба, куры, лангусты и прочие деликатесы.

Героиня несколько раз подряд испепеляет роскошную виллу — живую экспозицию «общества потребления». Правда, все это происходит только в ее воображении, перед ее, так сказать, мысленным взором. Но выраженная здесь ненависть к миру вещей не вызывает сомнений. О существовании ее свидетельствует множество симптомов. «Лучше поджечь универмаг, чем владеть им», — заявил один из западногерманских левых экстремистов. Можно спорить, что преобладает в этой звонкой фразе — погоня за рекламой или искренний протест против мира собственников. Разбитые витрины магазинов, перевернутые и сожженные легковые автомашины и тому подобные левоэкстремистские «акции против собственности» нередко инспирируются политической реакцией с целью запугать обывателя угрозой анархии и беспорядков.

Вместе с тем совершенно очевидно, что протест против засилья «мира вещей» получил широкое распространение среди молодежи и радикальной интеллигенции.

Многие тысячелетия собственник рассматривал вещественное выражение своего богатства как святыню и безжалостно пресекал любые покушения на нее. Вещь всегда была самым почитаемым кумиром в пантеоне частнособственнических идолов, преклонение перед ней передавалось от поколения к поколению. Самые свирепые законы ограждали права собственников, что в сочетании с системой социальных табу и нравственных запретов создавало, казалось, незыблемый культ вещей.

Как показывает история, собственник извлекал выгоду не только из воспитываемого таким образом преклонения перед вещами, но и из выступления угнетаемых классов против «вещизма».

Виновником всех социальных неурядиц нередко представляла или намеренно объявлялась вещь как таковая, ей отводится и в некоторых современных концепциях, представлениях положение главного обвиняемого. Подобный взгляд напоминает действия того древнего царя, который приказал выстегать плетьми море в наказание за то, что буря погубила его корабли.

Протест против культа вещей в этом случае беспредметен, критика направляется не против отношений собственности, а против абстрактной тирании вещей и уводит в сторону от существа дела. Бунт против вещей при всей радикальности фразеологии находится где-то на уровне стихийных форм протеста на первых этапах борьбы трудящихся, когда они не видели еще настоящих «носителей зла» и направляли свой гнев против машин, станков и других «вещных символов» господства собственников.

В рунах карело-финского эпоса «Калевала» звучит проклятие железу:

Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом...

Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушил дела дурные?..
Ты само — источник бедствий;
Ты — начало дел ужасных.

Подобный взгляд на железо как источник зла понятен и объясним в условиях родового строя, когда на человека впервые обрушились бедствия «железного века» и он еще не мог разглядеть их истинного виновника — возникающую частную собственность.

Раскрыв тайну товарного фетишизма, К. Маркс развеял ту плотную завесу, которой окутали мир материального богатства идеологи эксплуататорских классов. Окружающий человека мир вещей благодаря присущим им свойствам удовлетворяет самые разнообразные потребности людей. Вещи или материальные блага составляют содержание общественного богатства.

К. Маркс пишет, что товар — это «вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда»¹. Сущность товарного фетишизма К. Маркс видит в том, что отношения производителей друг к другу представляются им находящимися вне них отношениями вещей. Товаропроизводителям их общественные отношения кажутся «не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей»².

Подобная фетишизация вещей, которые на самом деле есть результат человеческой деятельности, возможна лишь в обществе, где социальные отношения овеществляются, а человек, по сути дела, низводится до уровня вещи.

Социализму по самой его природе чужд не только буржуазный частнособственнический кульп вещей, но и органически связанное с ним нигилистическое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 80—81.

² Там же, стр. 83.

отношение к материальным благам, левоэкстремистские попытки взорвать «мир товаров». В. И. Ленин говорил, что в будущем явным анахронизмом станут люди, способные зря, подобно бурсакам у Помяловского, портить склады общественного добра.

Капиталиста в сущности интересует не производство материальных благ или потребительных стоимостей, а производство прибавочной стоимости. Поэтому он готов получать прибыль на чем угодно. Он лишен уважения к вещи как таковой.

Когда чеховский Гаев восклицает: «Дорогой, многоуважаемый шкаф!», его реплика нередко в литературных прописях представляется как образец пустословия. На самом деле в ней проявляется отношение к вещи как к реликвии, как к самостоятельной ценности. Такого отношения нет у нового «хозяина жизни» — капиталиста, готового без сантиментов и колебаний вырубить вишневый сад, если это оказывается прибыльным делом.

Американский футуролог О. Тоффлер в своей книге «Футурошок» (1970 г.) приводит немало фактов в подтверждение того, что в так называемом «супериндустриальном обществе» связи человека с вещами становятся все более кратковременными и этот факт оказывает большое и все возрастающее влияние на его сознание и поведение. Отношения с вещами приобретают эфемерный характер, они теряют стабильность и весьма недолговечны. Производитель заинтересован в том, чтобы покупатель вещи как можно быстрее расставался с ней и приобретал новую. Множество вещей после разового использования безжалостно выбрасывается. И вещи, созданные для разового или кратковременного пользования, становятся все более типичными для образа жизни людей. Журналы мод рекламируют вечерние платья, пиджаки, пижамы и даже подвенечные платья из бумаги, которые рекламный проспект предлагает утилизовать после свадьбы на кухонные занавески. Люди живут и путешествуют налегке, не связывая себя грузом вещей. Колебание вещей набирает все более бешеный темп, и человека грозит захлестнуть поток товаров. Его окружает архитектура временных сооружений, мобильные и создаваемые из легко заменяемых конструкций вещи.

Распространение легко заменяемых вещей означает сокращение продолжительности отношений человека с вещами. Если раньше человек был связан с одним предметом сравнительно долгое время, то теперь на смену этой единственной вещи приходит множество предметов. При этом человек может приобрести либо право на вещь, либо право на ее использование. В последнем случае он является лишь временным обладателем вещи, как, например, в системе проката. О. Тоффлер видит в системе проката многозначительный «отказ жить ради обладания вещами». Ему видится в этом некое крушение принципа частной собственности.

Возникновение «культуры выбрасывателей», по мнению О. Тоффлера, также способно в корне изменить отношение к собственности. Под влиянием «эфемеризации отношений человека с окружающими его вещами», «потери привязанности к вещам» чувство собственности, полагает он, постепенно утрачивается.

Примечателен тот факт, что частную собственность О. Тоффлер рассматривает в ракурсе отношений «потребитель — вещь». Между тем это лишь один из аспектов отношений собственности, причем не главный и не решающий. Частная собственность — это не просто отношение человека к вещи, а определенные отношения между людьми. При этом связь с конкретными проявлениями «вещного богатства» складывается у представителей различных социальных слоев по-разному.

Сбитый с толку вторжением и мельканием вещей, О. Тоффлер делает ошибку, когда объявляет собственность на вещи эфемерной. Между тем так называемая эфемеризация связей с вещами отнюдь не означает эфемеризацию отношений собственности. Собственность, и это главное, не исчезает, происходит ее дальнейшая концентрация, сужается круг собственников.

В обстановке экономического кризиса в странах капитала возникла и другая тенденция. Кругооборот вещей резко замедлился, люди стали делать покупки лишь в случае необходимости, реже и неохотнее расставаться со старыми вещами. В одном из американских журналов рассказывалось, как много может вы-

ручить семья от продажи старых вещей, которые стали ей ненужными. «Экономика перемен» здесь предстает отнюдь не в радужной смене новых вещей на еще более новые, не в погоне за модой людей, зараженных манией «выбрасывателей».

Как известно, вполне закономерно функциональное устаревание вещей, когда отслужившая свое одежду или другие предметы обихода должны быть заменены новыми. Это естественный процесс. Появляются новые продукты, которые выполняют свою функцию лучше, эффективнее и дешевле прежних. Изменяются потребности людей, и возникает нужда в новых вещах, в том числе учитывающих индивидуальные запросы, вкусы, наклонности. К. Маркс писал: «С быстрой воспроизводства связано — или является лишь другим выражением этой быстроты — то обстоятельство, что потребление действует по принципу «из рук да в рот», что оно так же быстро меняет свое белье и костюмы, как и свои мнения, а не ходит 10 лет в одном и том же сюртуке и т. д.»¹.

Но пресловутая «культура выбрасывателей» в описании некоторых западных социологов выглядит преувеличением, своего рода гротеском. Собственник, как известно, консервативен и довольно неохотно расстается с вещью, предпочитая выжать из нее, как и из работника, все, что можно. Привязанность частного собственника к вещи нередко приобретает характер патологической страсти, почитания и обожествления материальных символов богатства. Дух собственничества цепок и въедлив. Частный собственник рассматривает свободу как неограниченную свободу приобретательства. В этом случае вещь из объекта потребления, полезной принадлежности человека превращается в нечто прямо противоположное — господствующую над ним силу, а человек становится жалкой принадлежностью вещи.

Склад мыслей и страстей частного собственника, как живой персонификации капитала, не представляет ничего загадочного; о нем много написано, и нет надобности в пространных пояснениях. Удивительно другое — насколько присущее собственнику раболепие перед вещью в атмосфере буржуазного образа

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 298.

жизни нередко, как зараза, поражает тех людей, которые вообще ничего не имеют.

В повести французского писателя Ж. Перека «Венди» рассказывается о молодой семье, в которой тяга к благополучию и роскоши приобрела характер болезненной и ненасытной страсти. Муж и жена, люди с довольно скромным достатком, мечтают о благах, которые им могли бы принадлежать. Им хотелось сразу достигнуть всего, обладать бесчисленным множеством вещей, постоянно расширять свои владения. Они зажлебывались миражом изобилия. Перед ними в воображении маячили бесчисленные окорока, сыры, напитки. На великолепно сервированных столах им грезились десятки пирогов, паштеты, дымящееся жаркое, целая батарея бутылок — они были обладателями всего, что могли породить прихоти самого требовательного гурмана. Но это была только игра воображения. Действительность, с которой сталкивалась эта молодая семья, обходилась с ней сурово. Между потребностями и их реализацией вставала непреодолимая стена. Стесненность в средствах, невольная скопость в сочетании с этим миражом изобилия казались хуже нищеты. Потребности, возбужденные рекламой «общества изобилия», остались неосуществимыми. Молодые люди, только что вступившие в брак, задыхались, чувствовали, что опускаются на дно.

Химеры «общества потребления» подавляют человеческое в человеке, разрушают человеческую личность, опутывают ее сетями зависимости. Потребительский склад мышления навязывается в буржуазном обществе человеку на всех уровнях: и в повседневной практике, и в детально разработанных философских концепциях.

Обыденное сознание человека, воспитанного в духе установок «общества потребления», проникнуто, как правило, буржуазно-предпринимательским духом, утилитаризмом и узким практицизмом. Акцент делается на решении текущих проблем, задач, рассматриваемых под углом зрения крайне субъективно понимаемого принципа пользы, которую может извлечь индивид из данной конкретной ситуации, погони за успехом. С этой ограниченной позиции мир выступает лишь как объект утилизации. Достижение

узко практического эффекта рассматривается при таком подходе как самоцель. В теориях «общества потребления» можно обнаружить влияние утилитаристских схем, в которых полезность нередко отождествляется с наслаждением, удовольствием и способностью человека избегать страданий. В этих схемах понятие полезности рассматривается, как правило, в соответствии с наивными представлениями обывателя и все полезное ему принимается, по словам К. Маркса, «за полезное само по себе»¹.

Узкоутилитарное, потребительское отношение к человеку пронизывает весь склад мышления буржуа и так или иначе накладывает свой отпечаток на всю систему социальных отношений в буржуазном обществе. Человек в этом случае рассматривается лишь как средство достижения целей, ничего общего не имеющих с его действительными интересами и потребностями. Овеществление общественных отношений, отчуждение от человека его подлинной сущности находит свое выражение в формуле «человек-вещь». В ней предельно заостренно отражается повседневная практика, в которой человек рассматривается как объект манипулятивного воздействия, как простое орудие.

Многие социологи на Западе отмечают фрагментарность и обедненность человеческих отношений, устанавливаемых на узкоутилитарной основе. Отношение к человеку в этом случае ограничено удовлетворением определенной функциональной потребности. Предпринимателя, нанимающего рабочую силу, интересует лишь способность работника к выполнению той или иной функции.

В передачах западных радиостанций часто приводятся сведения о том, сколько времени должен проработать рабочий, чтобы на заработанные деньги купить, например, килограмм сахара, мяса и т. д. Но обычно в этих передачах не разглашается сокровенная тайна капиталистического производства: степень эксплуатации труда, извлечение прибыли.

К. Маркс пишет, что капитал, «как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он по-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 623.

глощает»¹. Самое антигуманное проявление капиталистических отношений состоит в хищническом отношении капиталиста к рабочей силе. Рабочий вправе сказать капиталисту: «Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди»².

Выражением антигуманной системы капиталистической эксплуатации, низводящей человека до уровня вещи, являются и массовые увольнения рабочих в условиях кризиса, растущая безработица. В безудержной жажде прибыли капитал не останавливается ни перед чем, попирает законы, права человека, моральные нормы и запреты.

Потребительское отношение к человеку капитал навязывает всему обществу, человек рассматривается как объект купли-продажи. Покупается его время, его физическая сила, интеллект.

В американском «Дайджесте успеха» (1964 г.), представляющем собой сборник советов и правил поведения, содержится множество рецептов относительно того, как преуспеть в жизни. В нем рекламируются книги, посвященные тому, как получить «кучу денег», научить читателя эксплуатировать ближнего с тем, чтобы «достичь финансового успеха». Руководства «Как писать за большие деньги», «Как успешно вкладывать деньги», «Как избавиться от долгов», «Как установить контакт с людьми» выдержаны в том же духе. «Всего за один час,— говорится в последнем,— вы постигнете секрет, как можно властствовать и господствовать над каждым, с кем вы будете иметь дело». В руководстве по практической психологии содержится перечень «простых и надежных» способов, благодаря которым можно заставить человека раскрыться и излить самые сокровенные мысли и чувства: «В результате вы будете знать, как получить от него то, что вам требуется».

По наблюдениям западных социологов, крупные бизнесмены проявляют необычайную способность порыгивать с теми, кто стал им помехой, и устанавлив-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 244.

² Там же, стр. 246.

вать «связи с теми, кто может им помочь». Бизнесмен «легко устанавливает и разрывает» отношения с людьми в зависимости от выгоды. В руководстве для администрации рекомендуется уклоняться от контактов с подчиненными во внеслужебное время, уметь быстро устанавливать и порывать отношения с людьми.

Издаваемые на Западе руководства практического поведения претендуют на то, чтобы научить умению помогать другим, «помогая при этом себе в еще большей мере», раскрывать слабости людей для усиления своей собственной власти и т. п. При этом предписывается создать видимость правильных и справедливых действий, хотя на самом деле эти действия носят прямо противоположный характер.

Даже некоторые советологи, клевещущие на социалистическую действительность, вынуждены признать, что потребительское отношение к человеку и к жизни в духе подобных рецептов, как правило, отвергается советскими людьми. Действительно, социалистический строй по природе своей не приемлет такие «ценности», как манипуляция и обман. Лицемерие, стремление производить выгодное впечатление на окружающих в своих личных интересах, добиваться уважения, денег и власти с помощью изощренных методов манипуляции, различные способы узаконения обмана — все это находится в непримиримом конфликте с социалистическим образом жизни. Многие западные идеологи, в том числе и враждебно настроенные к социализму, отмечают несовместимость ценностей социалистического образа жизни с потребительской психологией.

В свое время К. Маркс писал о слепой волчьей жадности капитала к максимальной прибыли, опрокидывающей нормы труда и быта и доводящей рабочую силу до предельного истощения¹. И ныне сущность капитализма не изменилась, дух эксплуатации и наживы пронизывает весь буржуазный образ жизни снизу доверху.

Исследование, проведенное на металлургическом заводе «Секосэм» в Изере (Франция), показало, что 36% рабочих страдают истощением нервной системы,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 275.

34 % теряли сознание во время работы, 74 % жалуются на постоянные головные боли, у 62 % испорчено зрение, 54 % страдают желудочными заболеваниями.

Примечательна эволюция взглядов буржуазных социологов на стимулы поведения рабочего. Рационализаторы буржуазной потогонной системы, вроде Ф. Тейлора, выделяли наряду с административным принуждением один-единственный стимул — денежный. Человек при таком подходе рассматривался как «механизм, реагирующий на зарплату». Однако жизнь показала ограниченность такого взгляда.

Рабочий, как отмечают многие социологи на Западе, предпочитает получить меньше, чем отказаться от права высказывать свое мнение, проявлять инициативу. Он не желает быть объектом благотворительности. Американский журналист С. Тёркел в книге «Работа» (1974 г.) приводит весьма примечательное свидетельство рабочего-негра: «Хуже всего, когда приходилось жить на пособие — до чего же это унижает достоинство человека. Нам выдавали консервы с этикеткой «Собственность государства. Без права продажи и обмена». А ведь совсем по-другому себя чувствуешь, если можешь сам, на свои деньги купить такие же консервы».

В современной буржуазной индустриальной социологии обращается внимание на изучение роли духовных факторов среди мотивов трудовой деятельности.

Авторы доктрины «человеческих отношений» пришли к выводу, что есть немало стимулов более действенных, чем денежный. Рабочий нуждается в расширении возможностей для выявления своих личных качеств, для выражения своих творческих способностей, в формировании чувства принадлежности к коллективу, сознания важности и полезности своего труда.

В условиях капитализма возможности самовыражения рабочего сведены к минимуму. Отчужденный труд не доставляет радости. Преодолеть это объективное свойство наемного труда не в состоянии никакие посулы проповедников «человеческих отношений». Дать работнику возможность реально влиять на ход дел на предприятии капиталист не в состоянии.

Для этого он должен перестать быть частным собственником.

Рабочий класс по-прежнему платит ужасающую дань капиталу жизнью, здоровьем, о чем свидетельствует огромное число несчастных случаев на производстве (сотни тысяч ежегодно) даже в промышленно развитых капиталистических странах. В США, по данным профсоюзов, каждую минуту 18—20 человек получают производственные травмы, на промышленных предприятиях ФРГ в среднем каждые 13 секунд происходит несчастный случай, каждые 2 часа регистрируется травма со смертельным исходом.

Образ жизни, основанный на чистогане, идеология стяжательства заводят общество в тупик, чреваты различными уродливыми проявлениями. В обществе, где все продается и покупается, даже трансплантация органов, одно из величайших достижений современной медицины, угрожает стать опасным стимулом для преступного промысла. Многие юристы высказывают озабоченность в связи с тем, что органы человеческого тела становятся все чаще объектом преступных посягательств и спекулятивных манифестаций.

«Тысячи людей мечтают заполучить сердце, печень или почки 17-летнего парня, который бы только что разбился на мотоцикле», — заявляет руководитель американского центра исследований проблем трансплантации тканей. Существует такса на органы человеческого тела, могущие стать объектом пересадки. Новое сердце обходится примерно в 20 тыс. долларов, пересадка почек стоит в среднем 13 тыс. долларов с добавлением ежегодно по тысяче долларов за анализы и осмотры. Трансплантация органов, как свидетельствуют эти цифры, является привилегией богатых, стала доходным бизнесом.

По официальным данным, в капиталистических странах стоимость медицинского обслуживания вообще возрастает, бремя лечения серьезной болезни могут нести лишь немногие.

Буржуазный образ жизни проникнут циничным пренебрежением к здоровью человека. Но капитал не удовлетворяется этим. Он посягает на саму человеческую жизнь.

3

Милитаризм и его влияние на буржуазный образ жизни

Французский писатель В. Гюго нарисовал в романе «Девяносто третий год» впечатляющую картину тех страшных бедствий и разрушений, которые может натворить всего лишь одна пушка, сорвавшаяся с цепей на корабле.

Пушка, освободившаяся от оков, становится чудовищем... Как усмирить этого огромного бронзового зверя?.. Как к нему подступиться? Как обуздать это чудовищное оружие, грозящее крушением? Каждый такой удар в стенки корабля может пустить его ко дну. Страшная пушка беснуется, летит вперед, пятится назад, бьет по чьему попало, проносится мимо, спутывая все расчеты, ломает преграды, давит людей, как мух...

Мощь термоядерного оружия не идет ни в какое сравнение с допотопной пушкой. Вот почему человечество с возрастающей остротой осознает необходимость обеспечения безопасности народов, обуздания гонки вооружений, которая, если ее не остановить, может привести к непоправимой катастрофе. «...Гонка вооружений,— говорится в Декларации государств — участников Варшавского Договора,— продолжается в нарастающих масштабах. На подготовку к войне затрачиваются гигантские средства, возрастает разрушительная мощь оружия массового уничтожения... Народы должны ясно видеть, что ответственность за все это несут наиболее агрессивные круги империализма, мировая реакция, политика которых подхлестывает гонку вооружений»¹.

¹ «Правда», 27 ноября 1976 г.

Мировая общественность все более глубоко понимает, что милитаризм и гонка вооружений оказывают крайне негативное влияние на образ жизни современного человечества. Империалистическая политика войн и агрессии противоречит потребностям социального прогресса, интересам и нуждам людей. Эта политика обнажает изнанку «общества потребления». Газета «Вашингтон пост» писала 17 апреля 1976 г.: «Трущобы, очереди безработных, не охраняемые полицией улицы, голодные дети — таков далеко не полный список стоящих перед страной проблем, которые остаются нерешенными... Потребности людей в питании, одежде и во многом другом игнорируются. И в то время как страна продолжает приходить в упадок, политические лидеры не перестают заявлять американцам, что на военные цели необходимо все больше денег».

Поглощая колоссальные материальные ресурсы, гонка вооружений в капиталистических странах становится тормозом повышения жизненного уровня трудящихся. Она изымает из бюджета трудовой семьи средства, необходимые для удовлетворения насущных потребностей. Военные расходы западноевропейских стран — членов НАТО за последние пять лет возросли более чем вдвое. Непрерывно растет военный бюджет США, он уже перевалил за 100 млрд. долларов.

Основную тяжесть гонки вооружений монополии перекладывают на плечи трудящихся.

Идеологи «общества потребления» много говорят об ориентации производства при капитализме на потребителя. Однако действительность свидетельствует об ином. Капиталистическая экономика деформирована гонкой вооружений, политика милитаризма игнорирует интересы потребителя, «выносит их за скобки». Она приводит к чудовищному разбуханию военного бюджета и сокращению и без того урезанных частей «национального пирога», предназначенных на социальные нужды.

Империализм, как указывал В. И. Ленин, создает вполне реальную угрозу «подрыва самих условий существования человеческого общества»¹. Милитарист-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 396.

ская политика прикрывается дымовой завесой рассуждений о «национальных интересах», оптимальном балансе потребностей, о приоритете оборонных нужд над социальными и т. д. Идеология и политика милитаризма представляют собой самую жестокую насмешку над обещаниями теоретиков «общества потребления».

«Производство оружия — единственная индустрия, которая процветает в период экономического упадка», — твердит милитаристская пропаганда. Это «процветание» свидетельствует о неизлечимой болезни «общества потребления», приводящей к парадоксальной ситуации, когда даже в условиях экономического застоя маховик гонки вооружений набирает все новые обороты.

Несмотря на экономический кризис, прибыли корпораций, связанных с военно-промышленным комплексом, продолжают расти рекордными темпами. В капиталистических странах те круги, что наживаются на производстве орудий смерти и разрушения, наиболее активно выступают против процессов нормализации международных отношений. Они ведут атаку против социальных программ, в какой-то мере пытающихся смягчить тяжелую участь тех слоев населения, которые больше всего пострадали от кризиса.

Ненасытное чрево военно-промышленного комплекса империалистических государств — это зловещая пропасть, уже поглотившая большую часть национальных бюджетов. Так, США за последние 30 лет израсходовали на различные программы вооружения 1,6 трлн. долларов, что по своей стоимости составляет 63 % всех произведенных в стране за этот период товаров и услуг.

М. Горький в предисловии к книге А. Барбюса «Огонь» называет капитал «великим провокатором народов», ослепившим миллионы людей ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравляющих душу ядом жадности, зависти, своекорыстия, лжи, лицемерия, жестокости. В своей книге А. Барбюс изображает ад первой империалистической войны, этой развязанной монополистическими хищниками бойни. Страдания людей, кровь, изодранные в клочья тела — все, что влечет за собой войны, пре-

вращают в дивиденды, в источник благоденствия «чудовищные хищники, финансисты, крупные и мелкие дельцы, которые заперлись в своих банках и домах, живут войной и мирно живут во время войны, упервшись лбом в тупую доктрину, замкнув свою душу, как свой несгораемый шкаф».

Чем бы ни прикрывалась гонка вооружений, какие бы аргументы ни приводились в ее оправдание, главным ее движущим мотивом были, есть и остаются своекорыстные интересы фабрикантов оружия, непримиримо враждебные интересам трудящихся.

В Олдершоте, близ Лондона, в 1976 г. была организована выставка-продажа оружия «повышенной летальности», т. е. большой убойной силы. Были представлены не только образцы оружия, но и рекламные проспекты на него, как на обычные товары, причем на все вкусы, от танка — кстати сказать, в сто раз превышающего по стоимости трактор, — до личного оружия дворцовой стражи и высокопоставленных особ, сделанного из чистого золота. Подобная выставка сама по себе является вызовом общественному мнению, ее проведение противоречит духу разрядки. Если раньше торговцы оружием скрывали свои сделки под покровом тайны, собирались в обстановке конфиденциальности, то здесь перед нами попытка приравнять торговлю оружием к торговле обычными товарами. Прогрессивная общественность Англии дала отпор организаторам этой выставки. Была проведена кампания против торговли оружием, в распространяемых антиимпериалистских листовках содержался вопрос: «Сколько смертей вы продали сегодня?»

Торговля оружием стала доходным бизнесом для монополий. Среди крупнейших фирм — поставщиков вооружений за границу — половина многонациональных корпораций, так называемых консорциумов правительства и бизнеса.

Экспорт оружия из США за последние два года утроился. Более тысячи американских корпораций, в том числе большинство крупнейших компаний, получают сверхприбыли от продажи оружия и военного снаряжения иностранным государствам.

Американский социолог Ч. Эккли пишет, что ныне около трех четвертей государственных доходов США

уходит на оплату прошлых войн, «холодной войны», «ограниченных войн» и подготовку будущих войн. Он констатирует, что «военное ведомство проникло в общественную структуру повсюду, подобно давшей метастазы раковой опухоли, которая, если ее отсекают в одном месте, прорастает в другом». По данным Ч. Эккли, с 1945 по 1970 г. США передали или продали оружие и военную технику почти 100 странам, причем это более чем в 9 раз превышает общий экспорт оружия всеми остальными странами мира за тот же период. Особо опасный характер носят поставки ядерных реакторов, установок по обогащению урана и другой новейшей техники. Под эгидой Пентагона происходит процесс «расползания» оружия массового уничтожения или средств его изготовления.

Военно-промышленный комплекс все более настойчиво подчиняет себе все стороны пресловутого «общества потребления», его экономику, политику, идеологию, культуру. По словам Генерального секретаря Коммунистической партии США Г. Холла, военно-промышленный комплекс доминирует над всеми сферами жизни империалистического государства. В военной промышленности занята значительная часть рабочей силы. Культ насилия, специфический для войны, стал неотъемлемой чертой буржуазного образа жизни. В настоящее время в личном пользовании американцев находится 90 млн. единиц огнестрельного оружия. «Лобби» фабрикантов оружия выступают против установления контроля над продажей оружия частным лицам.

«Очень немногие американцы,— сетовал сенатор У. Фулбрайт,— отдают себе отчет в том, какое место в их жизни занимает армия». Милитаристская пропаганда, используя все средства массовой информации, вторгается в семью, вербуя новых рекрутов. Военная тематика заполонила теле- и радиопередачи. Армейские пропагандистские службы расширяют и умножают свои «контакты с общественностью», поощряют установление индивидуальных связей. В юбилейных празднествах в связи с 200-летием США подчеркивалась основополагающая роль армии в истории США. Характерны, например, такие высказывания: «люди, создававшие американскую нацию, носили военную форму», «наше двухсотлетнее

военное наследие затрагивает почти каждую американскую семью» и т. д.

Пропагандистские службы НАТО, обеспокоенные ростом критики в последние годы со стороны общественности в адрес этой организации, активизировали свое проникновение в школы, университеты, с тем чтобы отравить сознание подрастающего поколения ядом милитаристской пропаганды.

Бессмысличество и безответственность гонки вооружений при огромных запасах орудий «тотального уничтожения» ныне становится все более очевидной. Для иллюстрации этого факта в печати приводятся данные о том, что имеющегося разрушительного потенциала ядерного оружия достаточно, чтобы стереть с лица земли все живое. «Дело уже дошло до того,— говорил Л. И. Брежнев,— что если накопленные ныне запасы оружия будутпущены в ход, то человечество может быть уничтожено полностью. Куда же идти дальше?»¹ Путь дальнейшего наращивания военного потенциала оказывается все более гибельным. Вот почему Советский Союз и другие братские социалистические страны настойчиво борются за прекращение растущей, опасной для дела мира гонки вооружений, за ограничение и сокращение стратегических вооружений, за заключение международных договоров о всеобщем и полном прекращении испытаний ядерного оружия, о запрещении и уничтожении химического оружия, о запрещении создания новых видов и систем оружия массового уничтожения, а также воздействия на природную среду в военных и иных целях, противоречащих интересам человечества, о неприменении силы в международных отношениях. «Наши страны,— говорится в Декларации государств — участников Варшавского Договора,— являются убежденными противниками гонки вооружений и заявляют о своем желании и готовности активно и конструктивно сотрудничать со всеми государствами в решении этой важной задачи, стоящей перед человечеством. Мы считаем, что существуют реальные предпосылки для того, чтобы добиться сокращения накопленных запасов оружия, обеспечить переход к разоружению»².

¹ «Правда», 25 ноября 1976 г.

² «Правда», 27 ноября 1976 г.

В памяти народов навсегда останутся глубокие раны и тяжкие страдания людей, причиненные империалистической политикой войн и агрессий. Империализм принес человечеству огромное число смертей и разрушений. Первая мировая война стоила жизни около 10 млн., вторая мировая война — свыше 50 млн. человек.

Идеологи милитаризма пытаются реабилитировать агрессивные войны и военные преступления. Было бы ошибкой полагать, что огромная машина милитаристской пропаганды работает вхолостую, она действует весьма активно, насаждая превратные представления о действительных причинах и классовом характере современных войн, пытается скрыть тот факт, что империализм является виновником двух мировых войн и источником военной опасности в современном мире.

В эпоху колониальных захватов для их оправдания с точки зрения буржуазной морали и права широко использовался миф о якобы присущей первобытным племенам крайней воинственности и кровожадности. Участники колониальных походов, пытаясь создать себе ореол героев, крайне преувеличивали воинственность местных племен, изображали колониализм в роли миротворца, хотя именно колонизаторы постоянно разжигали межплеменные войны, натравливая одно племя на другое.

Ныне милитаристская пропаганда берет на свое вооружение взгляды, согласно которым войны кореются в биологической основе поведения всех людей, в их врожденных «агрессивных или разрушительных инстинктах». Известно, что неистребимым инстинктом человеческой природы считал склонность к агрессивному поведению австрийский психолог З. Фрейд. Мир, с этой точки зрения, предстает как подавленная потребность к войне, а война — как раскрепощение этой потребности. Внутреннюю потребность человека в агрессии З. Фрейд рассматривал, по сути дела, как отправной пункт, генетическую предпосылку войн, революций, классовой борьбы и т. д.

Во врожденной агрессивности человека видят ключ к пониманию всей социальной и политической истории и некоторые современные буржуазные идеологи. При этом они ссылаются на взгляды австрий-

ского биолога К. Лоренца и других «социальных этологов». По их мнению, человеческое поведение мотивируется прямо или косвенно спонтанными инстинктами, идентичными с инстинктами животных, в особенности с «агрессивным». Агрессия рассматривается как изначальный инстинкт животных и человека. С этой точки зрения даже в голубе дремлют кровожадные инстинкты и агрессивность, пробуждение которых выливается в смертельную схватку. Подобные представления мешают людям правильно понять истинные причины возникновения войн.

Одним из наиболее опасных приемов милитаристской пропаганды является попытка изобразить войну в качестве средства «социального оздоровления», противодействующего потребительско-конформистским устремлениям человека. Война якобы пробуждает дух гражданственности, нравственно «встряхивает» личность, превращает обывателя в образец доблести. Однако факты истории свидетельствуют о другом: захватнические войны приводят к нравственной деградации личности, участвующей в войне на стороне агрессора. Не только процессы над военными преступниками, совершившими тягчайшие злодеяния против человечества, но и любая агрессивная вылазка империалистической реакции в наши дни воочию показывают, что несправедливая война есть тлетворный разрушитель моральных ценностей, что она чревата вспышкой патологических актов насилия, преступности.

В пропагандистских кампаниях на Западе, оправдывающих гонку вооружений, нередко можно встретить рассуждения, цель которых — «успокоить потребителя». В этом отношении характерны попытки представить дело таким образом, будто деньги налогоплательщиков, не израсходованные на военные цели, все равно не могут быть должным образом использованы в обществе. Поэтому сокращение военных расходов означало бы обогащение наиболее состоятельного, а не массового потребителя. Показывая несостоятельность подобного рода утверждений, американский социолог Б. Рассет поясняет, что значительная часть сумм, идущих на военные ассигнования (42 цента от доллара), изъята из сферы личного потребления населения США. Если бы дейст-

вительной платой за оборону было частичное снижение роскоши господствующего класса, а не его обогащение, то монополии бы ратовали за самые низкие военные расходы, заключает социолог. И с этим выводом нельзя не согласиться.

Некоторые социологи на Западе выдвигают понятие «сверхсуществование», по-видимому, по аналогии с модным в буржуазной публицистике понятием «сверхуничтожение». Под последним подразумевается наличие, например, такого количества ядерных зарядов, которое может уничтожить все живое на земле. «Сверхсуществование», по мнению буржуазных социологов, это «избыток мощи», кризис, порождаемый неспособностью общества использовать то, что имеется, там, где это нужно. Милитаризация экономики и всего буржуазного образа жизни, таким образом, свидетельствует о том, что империализм деформирует установки социального развития, навязывает цели и средства, чуждые громадному большинству общества.

Долгие годы в буржуазной экономической науке господствовали представления, считавшие затраты на вооружение полезными инъекциями, которые взвешивают капиталистическую экономику и поддерживают должный тонус деловой активности. Подобные представления сдерживали движение протеста против гонки вооружений. Это был, по существу, наркотик, на некоторое время усыпляющий общественное мнение. На смену идеям о пользе военных расходов, динамизме и неких мифических преимуществах «экономики войны» сейчас приходят другие. На Западе все более широкое распространение получает взгляд, что военные ассигнования придают хозяйству нездоровую структуру. Известно, что антикоммунистическая пропаганда пытается переложить груз негативных ассоциаций, представлений, эмоций, связанных с кризисом, на процессы разрядки с целью дискредитировать ее в общественном мнении. Между тем если проанализировать любой аспект кризисных явлений, обострившихся в капиталистической системе, то становится совершенно очевидной органическая связь этих явлений с антинародной политикой монополий, «холодной войны», с гонкой вооружений. В период кризиса сокра-

щается не гонка вооружений, а производство потребительских товаров, не уменьшаются, а растут военные расходы.

Политика нагнетания международной напряженности, проводимая наиболее реакционными кругами монополистического капитала, исходит из расчета на то, что в обстановке милитаристского психоза удастся переложить основную тяжесть кризиса на плечи трудящихся и заставить их расплачиваться за авантюристические планы этих кругов.

В кампании против разрядки международной напряженности, которую активно ведут реакционные круги империализма, обращает на себя внимание утилитарно-торгашеский характер «аргументов». Свой потребительско-торгашеский взгляд на разрядку идеологи антикоммунизма обнаруживают в рассуждениях об обеспечении преимуществ, поисках выгод для Запада, в требованиях уступок и т. п. Они предлагают Западу использовать в условиях разрядки против стран социализма так называемую «стратегию выторговывания», связанную с формулированием определенных условий, например, «ограничение идеологической борьбы» и другие «уступки в обмен на экономическое сотрудничество». В этом находит выражение политика империалистического давления, стремление вмешиваться во внутренние дела других государств путем выдвижения явно неприемлемых для них предложений.

Частнособственная психология, как известно, крайне сужает и ограничивает не только духовный мир, но и кругозор человека установками на непосредственную выгоду, получение дивидендов. В современную эпоху потребительские установки на получение сиюминутной выгоды при решении крупных международных проблем обнаруживают свою полную несостоятельность.

Некоторые настроенные против международной разрядки деятели на Западе пытаются представить торговый и научный обмен с социалистическими странами как «игру в одни ворота», в то время как международное сотрудничество носит взаимно полезный характер, исходит из принципа взаимной выгоды. Представления об одностороннем выигрыше нереальны и бесперспективны.

Разрядка отвечает интересам всего человечества, способствует решению назревших социальных проблем и в конечном счете прогрессу общества, она необходима в равной степени всем государствам, независимо от их общественного строя.

В условиях разрядки создаются предпосылки для уменьшения расточительства труда и ресурсов, вы-свобождения средств, которые могут быть использованы для решения жизненных проблем. Прежде всего это благотворно скажется на положении тех социальных слоев, которых непосредственно коснулись последствия «холодной войны», агрессивной политики монополий.

Так, существует множество неудовлетворенных нужд, которые могли бы быть удовлетворены за счет прекращения или хотя бы на первых порах существенного ограничения гонки вооружений. Статистики часто приводят подсчеты, показывающие, что можно было бы сделать за счет переключения части военных расходов на материальные, социальные и культурные нужды. Только американский истребитель «F-15» обходится, например, в 15 млн. долларов. Эту машину с весьма дорогостоящей электронной начинкой создает сравнительно немногочисленный персонал. На эти же деньги можно было бы выпустить 5 тыс. малолитражных автомобилей, обеспечив тем самым работой 8 тыс. человек. Ограничение гонки вооружений помогло бы снять остроту продовольственного кризиса. Из взрослого населения всего мира около 800 млн. человек не умеют читать и писать. Подсчитано, что, затрачивая в год 1,5 млрд. долларов, можно было бы за пять лет практически ликвидировать неграмотность. Качественно новый стимул могла бы получить охрана здоровья человека. Сейчас здесь обнаруживается явная диспропорция. По оценкам ООН, на медицинские исследования в мире ежегодно расходуется 4 млрд. долларов, а на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для военных целей — 25 млрд. долларов.

Общественное мнение в мире сейчас складывает-ся отнюдь не в пользу противников международной разрядки. Они вынуждены отступать, маневриро-вать, приоравливаться, используя различные ме-тоды и приемы. Характерно, что сдвиги в политике

правящих кругов буржуазных государств произошли под воздействием многих факторов, в числе которых следует назвать изменения в общественном мнении.

Японская газета «Асахи» в канун нового года провела изучение общественного мнения населения страны. Был поставлен и такой вопрос: «Чего нужно добиваться прежде всего в современном обществе?» Наиболее типичные ответы: «мира между людьми и доверия» — 27 % опрошенных, «мира и свободы» — 13 %, «семейного и личного благополучия» — 9 %, «душевного и морального спокойствия» — 9 % и т. д.

Несмотря на разжигаемый антикоммунизмом в течение десятилетий милитаристский психоз, подавляющее большинство людей в капиталистических странах непосредственно связывают реализацию своих надежд и устремлений в сфере личного благополучия с миром, разрядкой, международным сотрудничеством. Атмосфера международных отношений ныне влияет на образ жизни, настроение и нравственное самочувствие и отдельного человека, семьи, а не только на мир в целом.

Идеологи антикоммунизма пытаются создать видимость, будто антимилитаристская направленность демократических движений современности носит случайный характер, связана с отдельными преходящими фазами и «пиками», минуя которые протест идет на убыль. Например, С. Липсет говорит о некой общей тенденции «к спаду антивоенного протesta». Это утверждение совершенно не соответствует действительности. Международные форумы сторонников мира, выступления прогрессивных организаций в капиталистических странах против политики милитаризма свидетельствуют о нарастании активности антиимпериалистической борьбы, борьбы за разрядку международной напряженности. Большое значение в борьбе против милитаризма приобретает разоблачение действий скрывающегося за фасадом «общества потребления» военно-промышленного комплекса. Конечно, процесс освобождения от предрасудков «холодной войны» протекает мучительно и трудно. И вместе с тем среди общественности на Западе ширится сознание того, что «интеграция в систему» под эгидой военно-промышленного комплекса отводит человеку роль слепого орудия империа-

листической политики, окружает его атмосферой антикоммунистической истерии, запугивания, что политика милитаризма несовместима с подлинными интересами широких масс трудящихся.

Ленинская мысль о том, что мирное сосуществование государств с различным общественным строем отвечает интересам всех народов, все более пробивает себе дорогу сквозь ядовитый туман милитаристской пропаганды.

Разрушение жизненной среды

В капиталистическом обществе потребительское отношение к человеку дополняется узкопотребительским подходом к природе. Антинародная сущность политики монополий, проявляющаяся в создаваемой ими реальной угрозе миру и безопасности народов, находит выражение и в преступном пренебрежении к делу охраны окружающей среды, что может привлечь за собой опасные последствия.

В последние годы о разрушении окружающей среды написано много. Общественность с необычайной остротой и активностью реагирует на события, происходящие на этом новом фронте социальной борьбы в странах капитала.

Порой складывается парадоксальная ситуация, когда в широко распространенных на Западе фильмах насилие, пытки над людьми воспринимаются зрителями как нечто обычное, но те же зрители бурно и активно протестуют, если объектом жестокости стало животное.

На вопрос: «Что является источником опасности для человечества?» — участники опроса во Франции в качестве такого источника назвали: тотальное загрязнение окружающей среды — 29%; атомную войну — 26%; перенаселенность земли — 18%; истощение природных ресурсов — 4% и т. д.

В последние годы на Западе умножились пропагандистские кампании в «защиту окружающей среды», за «чистоту природы», за «экологическое равновесие» и т. д. Инициаторами и организаторами таких кампаний выступают как правительственные органы, так и общественность.

Кампании, осуществляемые правящими кругами, имеют своей целью, как правило, внести «успокоение в умы», создать у общественности иллюзию способности капитализма найти долгосрочное и радикальное решение экологических проблем.

Организаторы пропагандистских кампаний пытаются увести от ответственности истинных виновников разрушения среды — монополистических хищников. Делается это различными способами.

Так, буржуазные пропагандисты нередко пытаются переадресовать общественное негодование в связи с усилившимися экологическими трудностями на научно-техническую революцию, усматривая причину этих трудностей в ограниченности природных ресурсов или в развитии науки и техники как таковых. Проявления экологического кризиса рассматриваются как неизбежные издержки технического прогресса развития «общества потребления».

Как известно, буржуазная пропаганда пыталась свалить «вину» за разразившийся на Западе энергетический кризис на развивающиеся (нефтедобывающие) страны. На самом деле подлинными организаторами энергетического голода были нефтяные корпорации, которые грабили и продолжают грабить потребителей, вынуждая их платить по завышенным ценам за бензин и другие нефтепродукты.

Отрицая социальный характер экологического кризиса, его неразрывную связь с капиталистической системой, буржуазные идеологи основное противоречие современной эпохи подменяют конфликтом человека и природы. Провозглашаются призывы «назад к природе» или же раздаются пессимистические прорицания «гибели мира». Ведется подсчет «экономических потерь» и не принимается во внимание реальный и возрастающий ущерб здоровью людей, не говоря уже о моральных и эстетических аспектах проблемы.

Переадресовывается не только глубокое недовольство широких народных масс разрушением окружающей среды. Многие производства, сопряженные с вредными отходами и загрязнением среды, перебазируются в развивающиеся страны. Естественно, что народы этих стран не могут долго мириться с подобной практикой «экологического неоколониализма».

Коммунисты, демократическая общественность капиталистических стран проводят широкие кампании в защиту среды. Экологический кризис показывает, что частная собственность, эгоистические мотивы и стимулы функционирования системы капиталистической эксплуатации пришли в непримиримое противоречие с дальнейшим прогрессом общества, с развитием человека.

Проблема разрушения окружающей среды, несомненно, важна. Но ее драматические стороны порой используются для того, чтобы замолчать и замаскировать реальную опасность, нависшую над величайшей ценностью на земле — человеком, который подвергается капиталистической эксплуатации с ее разрушительной для рабочего интенсификацией труда, ростом производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Марксизм-ленинизм убедительно показал, что эксплуатация наемного труда закономерно приводит не только к варварскому отношению к человеку, но к разрушению природы, всей окружающей человека среды.

Капитал во имя прибыли сознательно идет на преждевременное истощение и сокращение жизни рабочей силы, «подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы»¹. Как правильно отмечает советский ученый Г. Волков, если человек в капиталистическом обществе рассматривается как источник рабочей силы, то природа выступает как источник сырья, которое нужно взять любым способом, как можно скорее и с минимальными затратами. Если по отношению к рабочему применяется система «выжимания пота», то по отношению к природе капиталист руководствуется принципом «выжимания ресурсов». Капитализм породил тот дух утилитаризма, узкого практицизма, который определил хищническое отношение к природе, рассматриваемой как объект жестокой эксплуатации.

Потребительское отношение к природе в прошлом уже вызывало экологические катастрофы — к счастью, локального характера. Так, уничтожение рим-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 275.

лянами дубовых и буковых лесов на Апеннинском полуострове привело к эрозии почвы и явилось бедствием для земледелия в этом районе.

Масштабы и темпы экологических изменений ныне стали качественно иными. Всего за пять столетий уничтожено около $\frac{2}{3}$ лесов.

Буржуазная пропаганда чаще всего обвиняет в разрушении природы рядового потребителя товаров. Потребитель «съедает» природу. Это утверждение часто можно встретить на страницах выходящих на Западе книг и журналов. Отсюда лозунг: «Мы все загрязнители». Выбрасываемая упаковка товаров, потребляемых в возрастающем количестве, захламляет природу. Все беды, согласно таким взглядам, проис текают из индивидуального потребления и могут быть устранены путем его более разумного регулирования. Предпринимательские союзы даже выдвинули формулу: «Отходы возникают по вине того, для кого выпускается продукция». Тем самым остается в тени тот факт, что в условиях капитализма именно стремление монополий нажиться за счет хищнической эксплуатации приводит к экологическому кризису.

В погоне за прибылью монополистическая буржуазия не задумывается над отдаленными результатами своего хозяйствования, хотя они могут обернуться катастрофой. Даже в тех случаях, когда монополии под давлением общественности вынуждены осуществлять некоторые половинчатые меры по ограничению загрязнения, они действуют в своеокрыстных интересах и заставляют в конечном счете расплачиваться не крупный капитал, а потребителя. В этих целях используются специальные целевые налоги, повышение цен и тарифов, что бьет опять-таки по потребителю, призываемому «к участию в расходах». У бизнесменов же экологические проблемы стали поводом для получения огромных субсидий и прочих льгот, освобождения от налогов. Бизнес на экологическом кризисе оказывается все более прибыльным делом. Фабриканты, производящие очистные установки и другое оборудование, открыли золотую жилу для обогащения. Выход из кризиса капиталистических городов буржуазное государство пытается найти за счет дотаций, благотворительности

и прочих видов экономической помощи. На этой почве у представителей городских властей возникает специфический вид потребительской идеологии — иждивенческие настроения, ориентация на пассивность, отсутствие интереса к выявлению и использованию местных ресурсов.

Капитализм деформирует отношения между человеком как социальным существом и природой, логика извлечения прибыли несовместима с поддержанием природного равновесия. Экологический кризис основной тяжестью обрушивается на главную цитадель современного империализма — США. Перенаселенные города, отравленный выхлопными газами воздух — таковы всем известные черты американского образа жизни. За послевоенные годы в США произошел многократный рост загрязнения окружающей среды. Неудивительно поэтому, что «вклад» США в общее загрязнение планеты составляет примерно 40%.

Перед нами две экологические системы — озеро Эри в США и река Рейн в ФРГ. Озеро Эри стало «мертвым» всецело из-за промышленных отходов. Только две химические компании сбрасывают в Рейн столько же использованной воды, сколько все население Рура. Кстати сказать, здесь же в Руре на 17 млн. жителей низвергается из труб промышленных концернов 210 млн. кг сажи и распыленных химических веществ в год, по 12 кг на человека.

Природе будет причинен непоправимый ущерб, если отношение к ней не претерпит коренной перестройки на новых началах, с тем чтобы был положен конец бесконтрольному и неограниченному потреблению ее богатств. Апологеты капитализма, живописуя идиллию изобилия в сегодняшнем «индустриальном обществе», отказываются замечать, что человеку уже сейчас не хватает таких необходимых средств жизнеобеспечения, как воздух, вода, различные формы общения с природой и т. д.

У некоторых буржуазных идеологов можно встретить суждения о том, что К. Маркс якобы не уделял внимания проблеме «человек — природа». Между тем в трудах основоположников марксизма всесторонне исследована диалектика взаимодействия общества и природы, роль труда и потребностей в обмене

веществ между человеком и природой, формы присвоения индивидом предметов природы, раскрыты причины хищнического отношения к природе и т. д. «Историю,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»¹.

Отношение людей к природе определяется прежде всего характером общественных отношений. Вместе с тем масштабы и возможности воздействия людей на природу зависят и от степени развития производительных сил, находящихся в их распоряжении.

Академик В. И. Вернадский пишет, что человек отличается «сознательным творческим обеспечением от голода». По его мнению, благодаря науке, технике и труду биосфера XX в. постепенно превращается в ноосферу, когда окружающая человека среда приобретает ряд новых качеств, в связи с тем что преобразующая человеческая деятельность начинает играть определяющую роль в ее процессах. В условиях научно-технической революции воздействие на природу колossalно возрастает, отношение людей к ней нуждается в сознательном регулировании.

Одним из важных направлений соревнования двух противоположных общественно-экономических систем стало решение проблем охраны природы. Многие зарубежные ученые склоняются к мысли, что социализм имеет значительные преимущества по сравнению с капитализмом в установлении необходимого контроля за использованием и сохранением природных ресурсов. Эти преимущества в дальнейшем будут возрастать.

Плановое развитие хозяйства и научное предвидение социальных и экологических последствий вторжения в природу и, главное, учет этих факторов в практической политике может обеспечить только социализм.

Ф. Энгельс писал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 16.

каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»¹.

Утилитарно-потребительский подход капиталиста к природным ресурсам с его ориентацией на непосредственную выгоду вступает в острейшее противоречие с природой. Это противоречие обостряется в условиях современной научно-технической революции, приводящей в движение силы, которые в руках безответственных людей приобретают разрушительный характер.

В рассуждениях буржуазных социологов по поводу проблемы «человек — природа» обнаруживается главный методологический порок: игнорируется характер общественных отношений, определяющих отношение человека к природе.

Мысль о влиянии природной среды на общественную жизнь была высказана еще древнегреческими философами. Много веков спустя французский ученый Ш. Монтескье отмечал огромное влияние различных географических факторов (климата, почвы и т. п.) на образ жизни народов. По его мнению, жаркий климат приводит к деспотической власти, поскольку он порождает расслабленность и изнеженность людей, не способных ввиду своих сибаритских наклонностей сопротивляться тиранам. Суровый климат, наоборот, предопределяет любовь к свободе и демократии у граждан. Климат здесь явно ни при чем. И в условиях холодного климата миллионы людей несли бремя подневольного труда, а кучка знати пребывала в праздности и купалась в роскоши. При всей прогрессивности этих взглядов в эпоху, когда при объяснении общественных явлений ссылались в основном на роль божественного пророчества, они не могли дать подлинной картины отношений между обществом и природой, ибо игнорировали глубинные социальные факторы, влияющие на политическое устройство общества, на нравы людей и их взгляды.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 495—496.

Свое реакционное выражение идеи о влиянии географической среды на общественную жизнь получили в концепциях геополитики, оправдывающей захват чужих территорий ссылкой на недостаток «жизненного пространства». Доктрина геополитики служила теоретическим обоснованием фашистской агрессии, преступных захватов территорий других государств и порабощения народов. Характерно, что в трудах буржуазных военных специалистов поражение фашистской Германии в войне против первой в мире страны социализма нередко объясняется неблагоприятными природными условиями, большими морозами, весенней распутицей и т. п. Порочный круг геополитической доктрины, таким образом, замкнулся: от обоснования природными факторами необходимости завоеваний к объяснению ими же поражений и военных катастроф.

Обсуждение вопросов защиты природы также используется современным антикоммунизмом для выпадов против марксизма-ленинизма, реального социализма. Так, американский советолог М. Гольдман, рассматривая технические аспекты охраны окружающей среды (нормы и стандарты содержания вредных примесей в воде, в воздухе и т. д.), пытается «доказать», что разрушение среды — всеобщее стихийное бедствие, в котором повинны все общественные системы и социальные слои в одинаковой степени. Он ополчается против «предрассудка» общественного мнения, что загрязнение и разрушение окружающей среды представляют собой результат алчности бизнесменов, действующих в эгоистических целях, вопреки общественным интересам. Он сетует на то, что отчаяние американцев из-за разрушения собственной окружающей среды мешает им тревожиться по поводу трудностей у других. Пытаясь отрицать преимущества социализма в деле охраны природы, М. Гольдман в превратном виде представляет исторические факты, извращает роль КПСС и Советского правительства в разработке и практическом осуществлении ряда крупных мероприятий по охране окружающей среды, предпринятых по инициативе В. И. Ленина еще в первые годы Советской власти. Между тем Советский Союз был первой в мире страной, установившей допустимый максимум

концентраций вредных веществ в воздухе, одним из государств, установивших предельные нормы сброса различных сточных вод.

В последние годы в нашей стране принят ряд важных законов и постановлений, регулирующих охрану недр, предусматривающих строительство эффективных очистных и водозащитных сооружений, осуществление комплекса технологических мероприятий по сокращению количества неочищенных сточных вод и прекращению загрязнения водоемов. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» (1972 г.) предусматривается комплекс конкретных мероприятий по рациональному использованию природных богатств. Приняты и осуществляются программы охраны уникальных экологических систем Байкала, Волги, Урала, Черного и Азовского морей и др. Они находятся под защитой специальных законов.

Бережное отношение к природе является нормой социалистического образа жизни, проявлением заботы о теперешнем и будущем поколениях. В этом деле большой размах приобретает общественная инициатива, подкрепляющая деятельность государственных органов. В Российской Федерации только за один год сажают столько лесов, сколько было посажено за 70 дореволюционных лет, два миллиона школьников входят в «зеленый патруль», приучаясь с детских лет беречь и приумножать народное богатство.

Широкий размах приобретает ныне сотрудничество стран социалистического содружества в области охраны природы. Оно осуществляется в таких областях, как охрана атмосферы и водоемов от загрязнения, использование или безвредное устранение промышленных и бытовых отходов, разработка новых технологических процессов, при которых не выделяются токсические вещества или исключается их вредное воздействие на окружающую среду, борьба с шумом и вибрацией, планировка населенных мест и рациональное использование природных ресурсов.

«Пленка жизни», покрывающая земной шар, тонка и нуждается в бережном отношении.

Биосфера, как и мир, неделимы. Копоть заводов Рура отчетливо видна на снегу норвежских фьордов.

Следы ДДТ, которыми обрабатывают поля и сады в Северной Америке, обнаружены в печени антарктических животных. Рыбаки, ведущие промысел за тысячи километров от земли, вылавливают отравленную рыбу. Слой нефти, уничтожающий все живое, блуждает на огромных пространствах океана, в конце концов обрушиивается на побережье, обезобразивая прекрасные пляжи. Ртуть, один из сильных биологических ядов, обнаружена даже в яйцах кур. Дно моря превращается в огромную свалку, где можно встретить объекты повышенной опасности.

Ежегодно в атмосферу Земли выбрасывается более 200 млн. т окиси углерода, 146 млн. т двуокиси серы и т. д. Камень статуй не выдерживает, нейлоновая одежда расползается под воздействием ядовитых испарений воздуха. За полвека концентрация углекислоты возросла в атмосфере на 10—12 %, а содержание твердых взвешенных частиц в воздухе за последние десять лет повысилось на 12 %. В то же время площади растительности, воспроизводящей кислород, существенно сократились. Растет загрязнение водных, почвенных и других природных систем, в непосредственном окружении человека увеличиваются опасные для его жизни элементы (излишний шум, радиация и др.).

В книгах зарубежных авторов часто можно встретить выражение «цена загрязнения среды», которую платит человечество. Это образное выражение того, во что обходится хищничество монополий, готовых в ослеплении погони за прибылью отравить землю и все живое вредными промышленными отходами.

Французский ученый Г. Биола в книге «Марксизм и окружающая среда» (1973 г.) специальную главу посвятил анализу пропагандистских кампаний с целью отвести от предпринимателей обвинения в загрязнении природы. Раздаются призывы установить мир с природой и начать исправлять все зло, причиненное земле и воде. Но заявления и речи остаются по большей части мертвой буквой, поскольку необходимые средства не выделяются. Лозунг сделать природу общедоступной в обществе, где частнособственнические отношения возводят заслон между человеком и природой, остается демагогией. Потребитель должен раскошелиться на защиту природы — призы-

вают идеологи монополий. Потребительское отношение к природе, как и все в «обществе потребления», оборачивается против потребителя. «Расплата за прогресс» возлагается на него.

«Цивилизация, затопленная своими отбросами» — так называют в прессе современное «индустриальное общество», этот синоним капитализма, который не в состоянии в силу своей хищнической природы разрешить назревшие социальные проблемы, в том числе и в их экологическом измерении.

5

Двуликие нумиры буржуазной пропаганды

Со страницы зарубежного журнала на читателя смотрят две семейные фотографии. На одной стороне страницы семья в «вещном окружении»: уютный коттедж, автомобиль новой марки, цветной телевизор, холодильник и прочие аксессуары «семейного рая», на другой — тот же вещный мир, но разъятый на части, мы видим одну панель дома, одно сиденье от автомобиля, дверцу холодильника. Первое изображение — это как бы картина семейного благополучия, составленного по рецептам буржуазной пропаганды, второе показывает семью, но в окружении предметов, которые ей реально принадлежат, если исключить вещи, купленные в кредит; становится понятным, почему у членов семьи не хватает некоторых весьма необходимых предметов туалета: они куплены в кредит и еще не оплачены.

Средний американец без тени улыбки воспринимает подобные сюжеты. Более половины населения США покупает товары в кредит, и семь из десяти американских семей имеют какой-либо вид задолженности. В 1973 г. задолженность населения по потребительскому кредиту составляла 179 млрд. долларов. В условиях кризиса усилился кабальный характер задолженности потребителя по ссудам и процентам.

«Потребительская модель» образа жизни ныне настолько деформирована мощным взрывом социальных противоречий и конфликтов, что это не могло не сказаться на позициях даже ее самых ревностных приверженцев, на их аргументах. Буржуазные политики и социологи предлагают всевозможные эконо-

мические решения, якобы позволяющие найти выход из тупика, в котором оказалось «общество потребления». Вместе с тем большие надежды возлагаются на средства идеологического воздействия, на механизм пропагандистской машины.

Для современной буржуазной идеологии, охваченной, как и вся политическая и идеологическая надстройка буржуазного общества, кризисом, характерно наличие в ее рамках разнообразных направлений и школ, представляющих, как правило, довольно пестрый конгломерат идейных течений. Здесь можно встретить самые различные, в том числе внешне прямо противоположные, доктрины, теории, положения. В этом плане обращают на себя внимание, например, следующие парные концепции, как бы сочетающие тезис и антитезис: «деидеологизация — реидеологизация», «политизация — деполитизация», «критицизм — апологетика», «сциентизм — антисциентизм», «демократизм — авторитаризм», «космополитизм — национализм», «индивидуализм — деперсонализация», «культ потребительства — философия воздержания» и т. д. Все это находит отражение в буржуазной пропаганде, на которую возлагаются задачи манипулирования сознанием различных социальных слоев, в существовании различных пропагандистских установок и стереотипов.

В нашей стране внешнеполитическая пропаганда и пропагандистская деятельность внутри страны принципиально едины по своему содержанию. Различие в содержании буржуазной внешней и внутренней пропаганды является признанным фактом.

Сопоставим два утверждения американских пропагандистских служб.

«Голос Америки» — для зарубежных слушателей:

«Уверенность американских потребителей в благоприятных перспективах хозяйственного развития страны резко возросла за период с ноября прошлого года по февраль текущего года. Исследователи отмечают продолжающийся экономический рост, увеличение реальных доходов населения, замедление темпов инфляции и веру в то, что текущий год — год выборов окажется благоприятным для Америки».

Газета «Вашингтон пост» — для населения своей страны:

«Мы страдаем от резкого снижения уровня нашей жизни, вызванного инфляцией, мы вступаем сейчас в новую полосу депрессии, когда молодые люди не могут найти никакой работы, мы видим, как все больше обесценивается наша валюта, как пытаются наши крупнейшие города избежать грозящего им банкротства».

В период обострившихся кризисных явлений во внутренней пропаганде капиталистических стран лейтмотивом являлись призывы к умеренности требований и ожиданий, тогда как во внешней пропаганде упор делался на «потребительскую модель», на потребительские настроения и тенденции. В пропаганде на социалистические страны, как правило, фигурирует положение о якобы имеющей место стагнации социализма, внутри же капиталистических стран буржуазные политики нередко используют другой тезис, например об отставании этих стран в области военной техники и некоторых других сферах, особенно широко прибегают к нему, пытаясь добиться увеличения ассигнований на военные нужды во время утверждения военных бюджетов. В капиталистических странах антикоммунизм распространяет фальшивки о «коммунистической угрозе», «вторжении с Востока», «красной опасности» и т. п., о чем он не рискует заикаться в пропаганде на социалистические страны.

Подобная двойственность буржуазной пропаганды обнажает ее лицемерие, дифференциацию различных пропагандистских установок. Это находит проявление и в форме различия и своеобразной парности пропагандируемых концепций и доктрин, которые взаимодополняют друг друга. Данные концепции выполняют различные функции в осуществляемых пропагандистских кампаниях. Капитал, писал К. Маркс, «создает видимость, будто он дает, тогда как на самом деле он берет, будто он выпускает, тогда как на самом деле он тащит к себе, и т. д...»¹. Подобного рода приемы широко используются и в буржуазной пропаганде.

Манипулятивный характер такого рода пропаганды ясно обнаруживается, например, когда речь идет

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 565.

о теоретических концепциях, с одной стороны провозглашающих конец идеологической эры, «конец идеологий», причем, по мнению многих западных теоретиков, процесс «дейдеологизации» развертывается в результате ориентации индивида на потребление, с другой — подчеркивающих возрастание роли идеологии в современном обществе («реидеологизация»); концепцию «реидеологизации», ориентирующую на развертывание идеологического наступления против марксизма, выдвигают, например, некоторые реформистские идеологи. Перед нами не смена одной концепции другой. Отрицание роли идеологии («дейдеологизация») и признание ее значения («реидеологизация») представляют две взаимодополняющие стороны одного пропагандистского блока.

Призыв к «дейдеологизации», идеологическому разоружению обращается обычно к социалистической идеологии. На них возлагается функция разрыхления, подготовки почвы для идеологического проникновения и экспансии. В то же время сами буржуазные идеологи не собираются разоружаться, мобилизуя в целях идеологической борьбы весь пропагандистский аппарат.

О «дейдеологизации» и «деполитизации» много пишут ныне теоретики «социологической пропаганды». Термин «социологическая пропаганда» впервые ввел в научный оборот французский социолог Ж. Эллюль, он же дал в основных чертах характеристику главных элементов, из которых складывается данная разновидность идеологического воздействия.

Согласно Ж. Эллюлю, целью «социологической пропаганды» является воздействие на поведение людей, формирование и распространение ценностей определенного образа жизни. Речь идет не столько об идеях в их абстрактном виде, сколько об их зримых материальных воплощениях. Таким образом, подобная пропаганда стремится к утверждению или изменению всего образа жизни, всей жизнедеятельности людей, а не только их взглядов, на что ориентируется традиционная пропаганда.

Высказанная Ж. Эллюлем мысль о том, что образ жизни воздействует на убеждения человека, уже давно нашла свое обоснование в марксизме.

Марксизм всесторонне раскрыл роль материальных условий, воздействие образа жизни на формирование возврений, идеологическую ориентацию личности. К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» обосновал материалистическое понимание исторического процесса, согласно которому «люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания...»¹.

В трактовке теоретиков «социологической пропаганды» последняя выступает как некое надклассовое средство служения общему благу, «социализации личности». Совершенно несостоительны тезисы о якобы «деидеологизированном» и «деполитизированном» характере «социологической пропаганды» в силу ориентации ее на вещно-предметную аргументацию, использование материальных символов «общества потребления».

В мифологии древних римлян существовал бог Янус, имевший два лица, совершенно непохожие друг на друга.

Двуликий идол «социологической пропаганды» весьма опасен своей тщательно прикрытой и замаскированной аполитичностью, кажущейся идеологической нейтральностью. Вещные элементы «социологической пропаганды» несут вполне определенную идейную нагрузку, имеют четкую классовую политическую направленность. Например, выставки товаров за рубежом, которые обычно рассматривают как разновидность «социологической пропаганды», действительно имеют скрытый идейный подтекст, нередко более сильный и целенаправленный, чем прямые пропагандистские материалы. Пропаганда буржуазного образа жизни лишь по видимости «деидеологизирована» и «деполитизирована». Вещные факторы буржуазного образа жизни препарируются и подаются средствами массовой информации таким образом, чтобы сформировать отвечающие интересам буржуазии установки и навязать конформистскую «потребительскую модель» поведения. То обстоятельство, что в «социологической пропаганде» не всегда используется присущая политической пропа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

ганде аргументация, не должно вводить в заблуждение, ибо она в конечном итоге ведет к усвоению не только определенного «стиля жизни», но и определенных политических воззрений, пытается внедрить в сознание миф об исключительности буржуазного образа жизни как якобы «высшего типа социальной жизни». Как подчеркивает Ж. Эллюль, «социологическая пропаганда» является распространением идеологии «с помощью социологического контекста». Пропаганда буржуазного образа жизни, как правило, связана с пропагандой потребительской идеологии, с ее культом материального богатства, подчеркиванием успеха отдельной личности в духе крайнего индивидуализма, ориентацией на духовную пустоту и политический индифферентизм.

Возможности воздействия «социологической пропаганды» как средства манипулирования сознанием людей в значительной степени определяются тем, в какой мере человек заражен «бациллами потребительства». Стратеги «социологической пропаганды» ориентируются на использование «слабостей потребителя»: тяги к удовольствиям и комфорту, страсти к приобретению вещей, зависти, честолюбия, тщеславия. Чем сильнее потребительские настроения, тем глубже воздействие рекламы буржуазного образа жизни, демонстрации услуг, комфорта, т. е. преднамеренно организованных экспозиций, ориентированных на потребительскую психологию.

Если «социологическая пропаганда», по мысли буржуазных социологов, влияет главным образом через образ жизни, то ее базой, в свою очередь, служит потребительская психология.

Проповедуемый буржуазными органами массовой информации культ «усиленного потребления» приводит к развязыванию своеобразной цепной реакции — оживлению потребительской психологии, разжиганию потребительских аппетитов и собственнических инстинктов, что стимулирует потребительский спрос.

Все возрастающей мере различные вещные символы «общества потребления» входят как неотъемлемый ингредиент в систему буржуазного манипулирования сознанием людей. Разумеется, им придается соответствующее рекламное и часто идеологическое обрамление, исходя из принципа «товар

продается с иллюзиями, а иллюзии — вместе с товаром».

Мир товаров, предметное окружение человека, своего рода вещная ипостась капитализма, становясь сердцевиной «социологической пропаганды», призвана обеспечить, по словам Ж. Эллюля, «спонтанное утверждение образа жизни». «Социологическая пропаганда» действует как бы изнутри, непреднамеренно, стараясь избегать лозунгов и прямого пропагандистского воздействия. Формирование взглядов возлагается на образ жизни как таковой, на его вещественные компоненты. Хотя по форме «социологическая пропаганда» оперирует такими «аргументами», как вещи, товары, услуги, переключая интересы людей из сферы производства в сферу потребления, она направлена на внедрение в сознание идеологических принципов, ценностей. Стержнем «социологической пропаганды» является потребительская реклама, из которой изгоняется всякий намек на «серые будни», на жизненные конфликты, социальную несправедливость, словом, на то, что мешает созданию обманчивого чувства удовлетворенности, иллюзии рекламного благополучия.

«Социологическая пропаганда» активизируется в самых различных направлениях (торговля, культурный обмен, система массовой информации, деятельность пропагандистских центров и рекламных агентств, образование, литература и искусство и т. д.). Практически каждый элемент образа жизни является или может явиться средством «социологической пропаганды».

Многие социологи на Западе встревожены губительными последствиями влияния пропаганды американского образа жизни, которое зачастую влечет за собой разрушение традиционных моральных и культурных ценностей, рост преступности, культа насилия.

Первоначально пропаганда американского образа жизни носила неорганизованный характер и осуществлялась главным образом через туристов. Туристов и бизнесменов, выезжающих из США в различные страны Европы, в начале нынешнего века было немало. Уже в то время европейцев нередко раздражало высокомерие и хвастливость американских ту-

ристов, культ денег, узкий практицизм, презрительное отношение ко всему европейскому. Рост антиамериканских настроений достиг такой степени, что президент США Кулидж вынужден был заявить, что для каждого американца, которому не нравятся порядки в Европе и который не может удержаться от высокомерного отношения к европейцам, лучшим лекарством будет возвращение домой.

Внешнеполитическая пропаганда США, осуществляемая разветвленной сетью правительственныеых органов, усиленно культивировала потребительские настроения в годы «холодной войны», когда американский имперализм реализовывал стратегию «захвата политического и морального руководства миром», прикрываясь личиной опекуна и благодетеля.

С наступлением поворота к разрядке международной напряженности идеологи имперализма избегают открыто формулировать свои стратегические цели, говорят о стратегических установках в туманной, абстрактной и завуалированной форме. В ходу отвлеченные рассуждения о «вползании в бесконечный процесс без поиска конечной цели» и о «необратимо свершающихся фактах» и т. д. Подобные формулировки внешне «деидеологизированы» и «деполитизированы» в духе установок «социологической пропаганды», но их объединяет несбыточная надежда идеологов антикоммунизма пробить бреши в «идеологических фортификациях» стран социалистического содружества. Потребительской идеологии в этих расчетах по-прежнему отводится роль троянского коня.

В условиях развития международной торговли и обмена буржуазная пропаганда пытается использовать возросший поток товаров как средство и канал для проникновения стандартов буржуазного образа жизни. Идеологи и политики современного антикоммунизма возлагают на «социологическую пропаганду» большие надежды, осуществляют перевооружение, модернизацию методов идеологического манипулирования с использованием потребительских стереотипов. «Социологическая пропаганда» с ее проповедью потребительства является дальнейшей конкретизацией доктрин и методов «гибкого проникновения», «наведения мостов», ориентирует деятель-

ность центров антикоммунистической пропаганды на стратегию «идеологической эрозии», «просачивания и разрыхления», «размывания» устоев коммунистического мировоззрения посредством «тяжелой артиллерии» товаров, внедрения потребительских установок.

Буржуазные пропагандисты используют специфические формы товарного обмена для распространения иллюзий о буржуазном образе жизни. Вместо реальных отношений, в рамках которых осуществляется производство товаров в капиталистическом обществе, на первый план выдвигается вещь как таковая. Наши идейные противники пытаются отодвинуть в сторону вопрос об общественных отношениях, являющихся необходимыми условиями труда и производства товаров. Специфика товарной формы используется для протаскивания буржуазной идеологии, предпринимаются попытки стереть с товара «печать» капиталистической эксплуатации.

К. Маркс писал: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹. По вкусу пшеницы, подчеркивал он, невозможно узнать, кто и как ее возделывал — под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взором капиталиста.

Идя на всевозможные ухищрения, буржуазные идеологи и пропагандисты пытаются затушевать непримиримые социальные противоречия капитализма, общественные отношения, определяемые частной собственностью, скрыть их за мишурой внешне привлекательных товарных «этикеток», подменить сущность происходящих социальных процессов их поверхностным проявлением и созданным по рецептам торговой рекламы пропагандистским «имэджем».

Используемая во внешнеполитической пропаганде империализма модель буржуазного образа жизни поражает своей искусственностью, нередко откровенной апологетикой, проявляющейся в преднамеренном отборе «экспонатов», рисующих буржуазный образ жизни в сплошных розовых тонах. Современные здания, сверкающие лаком и хромом машины, вели-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.

коленная меблировка комнат, радующие глаз пейзажи, лужайки, газоны, улыбающиеся владельцы коттеджей, машин и других товаров — таков один из полюсов «социологической пропаганды». Подобно тому как на праздничной открытке искусный ретушер старается не допустить ни тени, ни пятен, в этой картине трудно усмотреть жизненные конфликты, действительные трудности реальных людей, их «всамделишный» образ жизни.

Особое значение в буржуазной пропаганде придается внедрению в массовое сознание мифа о некоем едином образе жизни, нивелировке вкусов и конформистской модели поведения, характеризующейся пассивным принятием существующего порядка вещей, «соглашательским сознанием». Пропагандистская модель такого образа жизни строится в соответствии с установками потребительской идеологии, при этом игнорируется положение рабочего класса, образ жизни трудящихся.

К Маркс при анализе теорий прибавочной стоимости говорит о «первом взгляде исследователя», когда внимание фиксируется главным образом на внешних, поверхностных сторонах явления. Задача состоит в том, чтобы за внешним слоем, за оболочкой раскрыть сущность явления или социального процесса. Буржуазная пропаганда большей частью пытается задержать внимание на внешних аксессуарах, выдавать видимость за сущность, кажущуюся за истину.

В этих целях нередко используются тенденциозно подобранные факты, всякого рода статистические сведения, всевозможные подсчеты.

Еще Д. Свифт высмеивал расчетливый «здравый рассудок», для которого протокольная точность описания и внешние аксессуары достоверности способны заслонить сущность факта.

Современная антикоммунистическая литература переживает своеобразный «фактологический бум», советологи уснащают свои книги «документами», цифрами, статистическими выкладками, цитатами из первоисточников, «воспоминаниями очевидцев».

В И. Ленин в статье «Статистика и социология» писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоительного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в

примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»¹.

Претендую на связь с конкретной жизнью, с «реалиями», которыми отмечена жизнедеятельность современного человека, «социологическая пропаганда», однако, вступает в явный конфликт с действительностью, с реальным образом жизни людей, который обнаруживает полную несостоительность «потребительской модели».

Буржуазные идеологи вынуждены считаться с тем, что установки так называемой «лобовой» пропаганды сталкиваются с резко возросшим негативным отношением к ней со стороны общественности капиталистических стран. В этом коренится одна из причин происходящей «модернизации», или «перевооружения», антикоммунизма, того, что «империалистическая пропаганда» становится «более изощренной»².

Даже в критической ситуации буржуазия нередко находит способ обернуть себе на пользу явления, которые свидетельствуют о крахе стандартов буржуазного образа жизни. Так было, например, с использованием вспышек левоэкстремистского протesta против «общества потребления» во Франции в 1968 г., когда правительство развернуло кампанию запугивания обычайтеля угрозой анархии, призраком «тоталитарного коммунизма». Акты вандализма, погромы и разграбления магазинов, поджоги, нападения на банки, уничтожение фетишей «общества потребления» (автомашин и т. п.) — все это находило отражение в буржуазной печати, на радио и телевидении в такой форме, которая, по существу, стимулировала объединение сил политической реакции на антикоммунистической основе. Буржуазия клеветнически изображала виновниками этих действий коммунистов, не-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

² См. «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 74.

смотря на то что они решительно разоблачали авантюристический характер левоэкстремистских акций.

Зашитники потребительской идеологии прибегают к различным уловкам в условиях той кризисной ситуации, в которой оказался ныне мир капитализма. Пропагандистские кампании приспосабливаются к новой обстановке, происходит определенная переориентация теоретических доктрин, политических лозунгов, по-новому расставляются акценты. В этом отношении весьма характерен наметившийся поворот от пропаганды стереотипов потребительской идеологии к критике ее «крайностей».

В зависимости от обстоятельств в навязываемой буржуазными средствами массовой информации «потребительской модели» образа жизни и поведения на первый план выдвигается то одна, то другая сторона. Эти стороны внешне могут казаться антиподами. Например, культ потребительства и бурные выступления против него со стороны леваков. На самом же деле и в том и в другом случае внимание приковано к сфере потребления, которая объявляется решающей для самоутверждения личности. Протест также не выходит за пределы сферы потребления, не затрагивает основ образа жизни; культ потребительства и «великий отказ» хиппи, битников, в сущности, составляют две стороны одной медали — буржуазного образа жизни. Традиционный набор принадлежностей «вросшего в систему» потребителя дополняется экстравагантными аксессуарами хиппи. И все это преподносится буржуазной пропагандой как низвержение кумиров «общества потребления».

Империалистическая буржуазия разработала изощренную систему манипуляции сознанием и поведением людей. В обстановке нарастающего недовольства политикой монополий буржуазная пропаганда пытается приспособиться к настроениям и предлагает духовную пищу на различные вкусы: от ультраправых до левоэкстремистских ориентаций, от культа потребительства до «антипотребительских» лозунгов. Расчет строится на иллюзии выбора между крайними позициями, точками зрения. На самом деле так называемые радикальные повороты от культа потребления к «антипотребительским» лозунгам оставляют человека в тенетах потребительской идеологии.

Машина принуждения и манипулирования

Когда читаешь широко распространенную на Западе литературу об «обществе равных возможностей», то, хотя факты социальной несправедливости, что называется, вопиют, образ буржуазного пропагандиста невольно рисуется в виде человека с плотной повязкой на глазах. Между тем даже официальные круги уже не могут игнорировать существование проблемы неравенства.

В предвыборной программе демократической партии США, с которой она развертывала кампанию по выборам президента в 1976 г., в разделе об «экономической справедливости» признается неоправданность и явная несправедливость концентрации богатства и экономической моцни, распределения налогового бремени и т. д., хотя радикальных мер для устранения зла не предусматривается.

Во всех капиталистических государствах наблюдается, в сущности, одна и та же картина: сосредоточение колоссальных богатств нации в руках небольшой части населения. Статистика под разным углом зрения выясняет то один, то другой аспект социальных диспропорций. По данным французской газеты «Монд дипломатик», сегодня на долю 20% беднейшего населения США приходится всего 5% национального дохода, а 5% населения контролируют половину богатств (61% акций). Во Франции 25 крупнейших семей сосредоточили в своих руках подавляющую долю национального достояния. В ФРГ 1,7% семей владеет 73,5% средств производства и около 90% акций и инвестиционных сертификатов. Вместе с тем обнаруживается тенденция к возрастающей концентрации богатства. В 1949 г. в США 1%

населения обладал 21 % национального богатства, а в 1972 г.— уже 40 %. В 1973 г. в США, по данным официальной статистики, насчитывалось 622 капиталиста с доходом в 100 тыс. долларов и более, которым удавалось не платить никаких налогов, в то время как большинство американских семей отдают в виде налога от 20 до 25 % своего дохода. В 1974 г. 244 предпринимателя с доходом свыше 200 тыс. долларов не уплатили ни цента налогов. Законы о внутренних доходах обеспечивают налоговые выгоды тем группам населения, которые имеют наибольший доход. Доля налогов с корпораций в федеральных доходах США уменьшилась с 30 % в 1954 г. до 14 % в 1975 г. Налоговое бремя ложится преимущественно на плечи трудящихся.

«Капиталистическая система использует различие в заработной плате и прибылях для того, чтобы экономическая машина работала так, как работает паровоз, использующий разницу в температуре и давлении для приведения колес в движение». Эти слова взяты из статьи, помещенной в журнале американских деловых кругов «Бизнес уик». Хотя всю силу этого механизма ощущает на себе человек труда, его функционирование объясняется необходимостью защиты интересов потребителя.

Гражданин, утверждают идеологи буржуазии, прежде всего потребитель, который заботится главным образом о своих частных интересах, преследует свою выгоду. Вместе с тем в социальной системе существуют и общие интересы. Кто же должен выступать в качестве защитника этих интересов, гаранта общего блага в обществе, где происходит столкновение частных интересов?

Многие годы на Западе широко пропагандируется миф о капиталистическом государстве как социальном арбитре, якобы стоящем на службе общего блага, защищающем интересы потребителей. Взгляд на государство как на надклассовую и надпартийную силу, смягчающую и регулирующую конфликты, лежит в основе буржуазных и ревизионистских доктрин «государства всеобщего благоденствия», «социального партнерства». Миф о «надклассности» буржуазного государства находится не только в полном противоречии с политической реальностью, но и в глубоком

разладе с массовым политическим сознанием, поскольку, согласно социологическим опросам, подавляющее большинство граждан на Западе считают капиталистическое государство орудием защиты интересов богатых, привилегированных слоев общества.

Доктрина, видящая в государстве некую «надклассовую общность», составляет ядро буржуазной политической философии, она существует как в виде отдельных теорий, так и в качестве методологического подхода, общей магистральной идеи, объединяющей различные концепции. Так, теоретики «сформированного общества» утверждают, что государство есть «охранитель общего блага», которому якобы в одинаковой степени близки и важны интересы как предпринимателей, так и потребителей.

Однако подобный взгляд на буржуазное государство подвергается корректировке в современных условиях обострения социальных конфликтов.

Классовая борьба в эксплуататорском обществе есть неопровергимый факт. Факты, как известно, упрямая вещь; они рано или поздно призывают считаться с собой. Классовую оценку политической жизни становится все труднее игнорировать; жизнь выдвигает веские аргументы против несостоительных утверждений о движении капитализма в сторону «равенства», «общности», «партнерства». Волей-неволей политологи вынуждены проявлять известный реализм в оценке политических процессов, выдвигая формулы, вроде «политика есть война, продолженная иными средствами», «политика есть смертельная борьба», «столкновение интересов в сфере труда и в сфере потребления» и т. д. и т. п.

Примечательны в этом отношении рассуждения американского социолога Д. Белла о том, что социальные конфликты в «постиндустриальном обществе» перемещаются из царства экономики, где люди раньше отстаивали свои интересы и преимущества, в сферу идеологии и политики.

Соответственно управленческая деятельность становится областью более острой политической борьбы, поскольку в отличие от рыночной экономики, которая может породить иллюзию так называемого «равенства возможностей», в этой сфере решения, принимаемые политическими центрами современного

государства, более определенны, вопрос о том, кто выигрывает, а кто теряет, для потребителя ясен. В подобной ситуации, замечает Д. Белл, обостряется чувствительность людей ко всяkim проявлениям социального неравенства и несправедливости, к решениям в области политического управления.

Однако Д. Белл ошибается, полагая, что обострение политической борьбы означает исчезновение экономических конфликтов. Смещения «осей конфликтов» и тем более их замещения не происходит, поскольку антагонизм экономических интересов и конфликты не исчезают, а, наоборот, обостряются. Столь же несостоительный характер носит выдвигаемый некоторыми буржуазными идеологами тезис о «затухании» классовой борьбы в период спада конъюнктуры.

В современной буржуазной социологии и политической философии «теория интеграции» и «теория конфликта» занимают особое место в системе политического манипулирования.

Согласно взглядам буржуазных политологов, государство выравнивает «давления», оказываемые друг на друга социальными группами, потребителями или товаровладельцами, интересы которых сталкиваются. Цель политики при этом представляется в виде общего знаменателя «социального равновесия», обеспечивающего статус-кво. В интерпретации буржуазных социологов конфликт носит преимущественно надстроечный, политико-юридический характер, являясь столкновением анонимных «верхов» и «низов», управляющих и управляемых. Классовая сущность социальных конфликтов и лежащие в их основе экономические интересы тщательно маскируются. При этом остается в тени диктат империалистического государства, выступающего на стороне крупного капитала, когда сопротивление потребителя преодолевается, по выражению буржуазных политологов, с помощью «насильственных санкций системы».

Апологетический характер представления о буржуазном государстве как стоящем на службе потребителя состоит прежде всего в том, что непримириимый антагонизм интересов пролетариата и буржуазии изображается в виде чего-то временного и преход-

дящего, в качестве явления, которое можно свести на нет средствами политического воздействия, государственного вмешательства и регулирования. На самом деле, как показало развитие последнего экономического кризиса, классовые конфликты при капитализме проникнуты антагонизмом; развитие революционного процесса взрывает мифическое равновесие буржуазной системы, обнажает ее неустойчивость, свойственные ей непреодолимые противоречия.

В обществе, где превалируют интересы «большого бизнеса», иного и ждать не приходится. По данным американских социологов К. Превита и А. Стоуна, приведенным в их книге «Правящие элиты» (1973 г.), около 90 % американских политических деятелей являются выходцами из 20 % богатейших семейств.

Экономическая власть монополий служит пьедесталом и политического господства. Об этом, в частности, свидетельствуют колоссальные расходы на избирательные кампании.

Американский президент А. Линкольн на свою первую избирательную кампанию получил 200 долларов. Он вернул 199 долларов 25 центов, истратив 75 центов на угощение лесорубов. Времена меняются. Достаточно сказать, что уже первый тур кампании по выборам президента в 1976 г., завершившийся съездами республиканской и демократической партий, поглотил сумму почти в 30 млн. долларов. Подобная ситуация существует на всех ступенях политической пирамиды сверху донизу.

Американский буржуазный политолог А. Херд в своей книге «Цена демократии» (1962 г.) пишет: «Небходимость получения избирательных фондов, существенно важных для любой кампании, приобретает решающее значение для выбора кандидатов... Вот почему сила денег, очевидно, особенно дает о себе знать при подборе государственных деятелей за кулисами политики, там, где решается, кто будет или не будет облечен доверием данной партии. Есть много факторов, которые определяют эффективность политического деятеля, однако в нашей политической системе имеется затвор в том месте, где может быть получено необходимое финансовое поощрение и где может быть отказано в нем». Власть денег — ключ к пониманию буржуазной политической

системы. Это выражено автором довольно четко и определенно, и поэтому нет нужды в особых комментариях.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивалось: «Усилился идеино-политический кризис буржуазного общества. Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы. Коррупция становится все более явной, даже в высших звеньях государственной машины»¹.

Согласно отчету министерства юстиции США, только в 1973 г. были привлечены к судебной ответственности и признаны виновными: вице-президент США, два члена кабинета министров, три члена палаты представителей, один сенатор, один федеральный судья, пятьдесят с лишним высших членов администрации штатов.

Широкий размах приобрел откровенный подкуп политических партий и деятелей в других капиталистических странах, практикуемый как форма внешнеполитического давления и прямого финансирования подрывных акций против демократических сил. «Книга расходов» ЦРУ, извлеченная на свет в ходе дебатов в американском конгрессе, показывает, что реакционные режимы и силы вскармливаются щедрыми субсидиями и «мятежи» против неугодных правительств финансируются из того же источника.

По мере того как рассеивается туман квазинаучных рассуждений о приоритете в «обществе изобилия» интересов потребителя, становится совершенно очевидным, что человек, зарабатывающий себе на жизнь, в конце концов за все расплачивается сам. На налоги, взимаемые с него, содржится огромный аппарат, контролирующий каждый его шаг. Нефтяные концерны, как уже говорилось, нещадно грабили потребителей во время энергетического кризиса. Но зато какие щедрые «чаевые» были выданы супермонополиями «Шелл», «Бритиш петролеум» и другими представителям верхних этажей власти с тем, чтобы заручиться их поддержкой. В скандальных разоблачениях последнего времени часто фигурировала на страницах печати корпорация «Локхид», торгующая

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 29.

оружием и покупающая политических деятелей оптом и в розницу по разной цене: за взятку в несколько миллионов долларов или за подарок в виде собачьего ошейника с противоблошным устройством. Власть денег превращает коррупцию, т. е. продажность политических деятелей на всех уровнях иерархической пирамиды, в подлинно национальную проблему. Эта власть является главной причиной разложения и морального распада. Дух стяжательства поражает государственный аппарат, воцаряется как хозяин в «коридорах власти». Политические учреждения используются как средство обеспечения эгоистических интересов. Это вызывает растущую тревогу общественности на Западе.

Об этом свидетельствует, в частности, книга видного французского политолога М. Дюверже «Демократия без народа» (1967 г.) и ряд других работ, появившихся в последние годы. Среди них следует отметить книгу французского буржуазного социолога К. Жюльена «Самоубийство демократии» (1972 г.). На ее анализе остановимся подробнее.

К. Жюльен подвергает острой и разоблачительной критике институты буржуазной демократии, приводит большой фактический материал, свидетельствующий о их кризисе и упадке. Демократия выродилась, ее материальная основа извращена, власть узурпирована богатством, парламент не имеет контроля над исполнительной властью, гражданин лишен реальной возможности выбора, урбанизм разрушил традиционные демократические ценности, «качество жизни» катастрофически падает и вообще «смысл жизни» утрачивается — таковы основные выводы автора.

Объектом исследования в книге К. Жюльена являются политические институты не одной какой-либо страны, а совокупности ряда буржуазных государств. Поэтому критика, по существу, представляет разоблачение политической системы современного империализма, взятой в целом, с привлечением богатых фактических данных о ее функционировании.

Вместе с тем критицизм К. Жюльена не имеет точного адресата, он представляет в качестве главного виновника деформации институтов демократии самих граждан. «Болезнь Запада,— пишет К. Жюль-

ен,— коренится не только в институтах. Последние, сколь бы они ни были дегуманизированы, не могут быть полностью деперсонализированы. Это люди, которые избирают своих депутатов, и газеты, которые принимают или отвергают определенные мнения, поддерживают позицию в споре или выступают против нее. Гражданин не может переложить на структуры «ответственность» за свои собственные недуги, ибо эти структуры не существуют вне его, и, в сущности, он себя идентифицирует с ними и признает их; эти структуры возвращают гражданину его безразличие к другим, жажду власти, непредусмотрительность, страсть к наживе. Демократия представляет более или менее верное отражение поведения граждан».

В итоге подобных рассуждений делается вывод, что демократия, как всякое творение рук человеческих, несовершена и вряд ли ей суждено пережить возрождение. Этот вывод дополняется косвенной реабилитацией авторитарных тенденций, ложным утверждением, будто демократия сама убивает себя. Тезис о «саморазрушении демократии» порочен в своей основе и не выдерживает критики. Политическая практика показывает, что прямыми виновниками деформации демократических процедур и институтов выступают сегодня наиболее реакционные круги империалистической буржуазии, коррумпирующие власть и стремящиеся установить авторитарные диктаторские режимы. За примерами не надо обращаться к истории. Достаточно напомнить в этой связи о трагедии народа Чили, демократические институты которого были разгромлены в результате преступного переворота, осуществленного фашистской хунтой. Это было не «самоубийство демократии», а ее тщательно подготовленное и спланированное убийство, жертвами которого явились тысячи ни в чем не винных людей.

Политические процессы в современном мире налагают на социолога особую ответственность за позиции, занимаемые по вопросу о демократии, требуют полной идейной четкости и ясности в оценке социальных сил, поддерживающих демократию или подрывающих ее основы. Рассуждения об «изначальной порочности человека», якобы виновного в разложе-

ний демократии, объективно играют на руку ее врагам.

В системе политического и идеологического манипулирования «нейтрализация» критической части или аспекта исследования того или иного буржуазного социолога осуществляется различными путями, например посредством сочетания критики с апологетическими тезисами, использования критических высказываний для завоевания доверия людей, с тем чтобы затем воздействовать на их сознание в желательном направлении и т. д. Критическое описание фактов часто остается без обобщений или сопровождается ошибочными выводами, как это происходит в итоге рассуждений о «самоубийстве демократии». Так называемая «критика в рамках системы» строится на внешне, казалось бы, противоречащих друг другу основаниях — тезис и антитезис, критицизм и апологетика. На самом деле они взаимодополняют друг друга. В условиях, когда противоречия капитализма выступают с исключительной остротой, критика системы является предпосылкой диалога. Если социолог эти противоречия игнорирует, у него вряд ли может возникнуть контакт с аудиторией.

Общественное мнение современного буржуазного общества характеризуется критическим умонастроением. Французский ученый Ж. Мило пишет: «Философия стала опасной для власти, какими бы устаревшими ни оставались ее некоторые формы. Прошло время, когда философы согласным хором пели хвалу существующему обществу, поднося ему спасительную «пилюлю для души». Все большее число философов отрывается от официальной буржуазной мысли, критикует ее «ценности»; внимательные как к новым реальностям, так и к противоречиям капиталистического мира, философы вооружаются новыми идеями, размышляют о реальных предметах». Некоторые особенно рьяные приверженцы капитализма и установок антикоммунизма, вроде французского социолога Р. Ариона, не скрывают своей тревоги в связи с тем, что выступление в защиту капитализма стало рассматриваться как проявление дурного тона и интеллектуальной неполноценности, а критика буржуазного образа жизни пользуется необычайной популярностью и одобрением.

Критика бывает разная. Р. Арон тоже критикует, но тех, кто слишком, по его мнению, увлекается критикой социальной системы капитализма. Его произведения проникнуты апологетикой капиталистического строя в такой степени, которую французы характеризуют как стремление быть «большим роялистом, чем сам король». Идеологи правого антикоммунистического направления в буржуазной социологии призывают, с одной стороны, «дозировать» зашедшую «слишком далеко» критику капитализма, сочетать ее с конформизмом, а с другой, «открыть шлюзы» для критики социалистического образа жизни, его политических основ.

Связь между критицизмом и апологетикой в буржуазной политологии носит по большей части скрытый, замаскированный характер. К. Маркс, раскрывая противоречивость буржуазной демократии на примере конституции Второй республики во Франции, писал: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»¹.

В традиционных буржуазных концепциях демократии большое внимание уделялось обоснованию автономной сферы различных жизнепроявлений личности, ее неотъемлемых субъективных прав, в осуществление которых никто не должен вмешиваться. Сейчас, по признанию буржуазных теоретиков, ввиду усиления тоталитарного господства монополий эта сфера стала катастрофически сокращаться. Появляются концепции, оправдывающие подобную практику. В книге американского психолога Б. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства» (1972 г.) в полном соответствии с установками «общества потребления» прямо утверждается, что главное для общества и личности — овладеть стратегией «выживания», а поэтому оправдана любая практика, обеспечивающая сохранение существующей цивилизации и образа жизни, даже ценой отказа от демократических институтов и свобод. «Мы не можем позволить себе быть свободными», — заключает Б. Скиннер.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 132.

«Суверенность потребителя», неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки и другие права во все большей степени становятся фикциями в условиях, когда осуществляется тотальный контроль за поведением человека с использованием новейших технических средств, когда организуется тотальная полицейская слежка, а в судопроизводстве некоторых капиталистических стран допускается использование на процессе доказательств, полученных при помощи незаконного подслушивания, и т. д.

Широчайшее распространение получает система политического манипулирования личностью и ее идеологического подавления при помощи использования специальных профессиональных служб монополий.

Осуществление американским конгрессом расследования незаконной деятельности ЦРУ и ФБР приоткрыло завесу таинственности над системой тотальной слежки. Многое тайное стало явным. Оказалось, что лишь в центральной штаб-квартире ФБР, не говоря о его многочисленных местных отделениях, имеется более 500 тыс. досье на отдельных американцев и организации. За период 1953—1973 гг. ЦРУ вскрыло более четверти миллиона частных писем. Агентство национальной безопасности, установив тайные контакты с телеграфными компаниями, в 1947—1975 гг. перехватило миллионы телеграмм. Армейская разведка в разгар массовых выступлений против войны и расизма в конце 60—начале 70-х годов занималась слежкой примерно за 100 тыс. американцев.

Заметим кстати, что осуществление слежки требует колоссальных расходов, которые, как бumerанг, возвращаются и падают на плечи опять же потребителя.

Социологи указывают на опасность использования против граждан данных, которые будут накапливаться «в целях совершенствования обслуживания потребителя» в компьютерных центрах. Эти данные могут стать дневником, фиксирующим каждый шаг, каждое действие потребителя, а также его финансовое положение. Собранная таким образом информация может быть использована для целей, не имеющих никакого отношения к финансовым операциям

покупателя. Подобная система используется для надзора за человеком, фиксирования его передвижений и даже подбора данных для определения его политической благонадежности.

Многочисленные учреждения, созданные по идеи для обслуживания потребителя, превратились в тайных соглядатаев. Например, выяснилось, что чиновники из налогового управления США вместо того, чтобы искать скрываемые монополиями от обложения доходы, завели досье на множество политических активистов и на тысячи политических организаций.

Рекламные агентства и их филиалы нередко берутся за опросы общественности, выясняя при этом политическую ориентацию и умонастроение граждан. Все это осуществляется под видом установления контактов с потребителем во имя налаживания «двусторонней связи».

Вторжение монополий в частную жизнь индивида внушает тревогу. Порой даже самые безобидные предметы потребления, снабженные хитроумной электронной начинкой, превращаются в недремлющий глаз соглядатая. Тотальная слежка и надзор с помощью электронной техники проникают в недра быта.

Французский журналист Ж. Бержье составил примерный перечень «новинок» в системе тотальной слежки. Радиопередатчик в машинке для коктейля, мёталлическая зубочистка-антенна, миниатюрные звукозаписывающие аппараты, подключенные к бытовым приборам: осветительной лампе, телефону, радиоприемнику. Потребитель смотрит на вещь со страхом. Развивается всеобщая подозрительность.

Возникает огромный рынок промышленного и потребительского шпионажа. Записывающий аппарат в ювелирных украшениях, в портсигаре, зажигалке с радиопередатчиком; костюм с вшитым в подкладку плоским транзистором; телевизионные камеры в горшках для растений, в картинах и даже в чучеле крокодила и т. д. Аппаратура для слежки в отдельных случаях сдается на прокат; эти же приборы поставляются в виде ручек, чернильниц, таблеток аспирина, брошей, пудрениц и т. п. по специальным заказам. Предусмотрена возможность по описанию соб-

ратить самому подслушающий аппарат из комплекта деталей.

Буржуазное государство выступает на стороне власти имущих, его меньше всего заботят интересы рядовых потребителей.

В архивах парламентских комиссий, буржуазных судов громоздятся пыльные тома дел о злостных мошенничествах монополий, наживших миллионы на обмане покупателей, на торговле фальсифицированными товарами. Еще свежи в памяти процессы над фармацевтическими фирмами, изготавлившими заведомо вредные и опасные для здоровья «лекарства». Но преступники большей частью гуляют на свободе. Остаются в общем и целом без последствий коммерческие махинации, совершенные денежными воротилами, жертвой которых являются тысячи потребителей. Правосудие способно посадить в тюрьму тысячи мелких правонарушителей, но испытывает замешательство перед похитителем миллионов, личность которого, как пишут адвокаты буржуазии, «представляет сложную и грозную загадку для судьи и не может быть интегрирована с когортой обыкновенных подсудимых».

В последние годы на Западе много пишут о различных формах «самообороны» потребителей, протестующих против произвола монополий. Создается парадоксальная ситуация: в «обществе потребления», где на словах все подчинено интересам потребителей, они вынуждены предпринимать самые решительные действия, чтобы защитить себя. Этой цели призваны служить различные формы совместных действий потребителей. Образование многочисленных потребительских организаций в США, Англии, Франции и других странах некоторые социологи и экономисты склонны были рассматривать как проявление некой «потребительской революции».

Однако это очевидное преувеличение. Зависимое положение потребителя не изменилось, и дальше благих пожеланий дело не пошло. Имеется в виду разъяснение покупателям их прав и немногочисленных законов, защищающих эти права, информирование о качестве товаров. Подобного рода деятельность осуществляется в Англии журнал «Уич?», который основан группой, назвавшей себя «Ассоциацией потреб-

бителей». Сходные издания имеются и в других странах. Однако задачи их весьма ограничены и носят информационный характер. Их цель — «поощрять и развивать осведомленность публики во всем, что касается тех, кто использует и потребляет сырье, товары и всевозможные услуги». В деятельности потребительских ассоциаций и их изданий прежде всего учитываются интересы обеспеченных. Всевозможные потребительские советы чаще всего выступают как представители «мнений потребителей», которые совпадают со взглядами предпринимателей. Они входят с ними в «деловые контакты» и превращаются в их прислужников. Английский социолог А. Сэмпсон, описывая в книге «Новая анатомия Британии» (1972 г.) деятельность одного такого совета, саркастически замечает: члены совета «назначались министерством торговли, что было равносильно тому, чтобы просить участников нашумевшего ограбления поезда в 1965 г. назначить комитет во вопросу охраны поездов». Добавим, что статус совета запрещал ему проверять товары и проверять жалобы от отдельных лиц.

Объединения граждан в условиях капитализма, вроде союзов потребителей для защиты своих интересов, изображаются буржуазными социологами в качестве проявлений свободы человека, его неотчуждаемых прав. Деятельность свидетельствует, как мы видим, о другом, а деятельность подобного рода организаций скорее может рассматриваться как симптом усиливающегося бесправия потребителя. Поэтому естественна защитная реакция трудящихся на развернутое монополиями наступление на жизненный уровень. «Движение сопротивления потребителей» вполне объяснимо и оправданно. Однако выступления потребительских организаций чаще всего не приносят желаемого эффекта, их сил явно недостаточно перед лицом выступающих единым фронтом против потребителя организаций и союзов предпринимателей. В этом отношении характерна деятельность так называемых «групп давления», среди них активизируются «лобби» фабрикантов оружия, всевозможные союзы предпринимателей и другие организации, навязывающие представительным органам диктат монополий, международных корпораций, военно-промышленного комплекса. Реальная сила

этих могущественных монополистических спрутов не идет ни в какое сравнение с благими пожеланиями союзов потребителей. Узурпация и концентрация всей полноты власти крупным капиталом, сращивание аппарата экономической власти и политической диктатуры монополий тяжело бьет по потребителю. Потребительские организации превращаются в винтиki системы манипулирования людьми. При этом интересами массы потребителей прикрываются даже правые организации, фашистующие элементы.

Система империалистической манипуляции становится все более изощренной. На службу монополиям поставлено все: от официальных учреждений до преступных синдикатов мафии и профессионального гангстеризма. «Общество потребления» разъедает болезненная язва преступности, составляющая элемент буржуазного образа жизни и имеющая тенденцию к росту. В США в первой половине 1975 г. число серьезных преступлений увеличилось на 18% по сравнению с предыдущим годом. Число убийств удвоилось, грабежей и изнасилований утроилось. В Нью-Йорке каждые семь минут происходит грабеж или угон автомашины. В Лондоне за период с 1973 по 1974 г. число грабежей увеличилось на 31%, краж со взломом — на 19, похищений автомашин — на 25, случаев воровства — на 77%. В десять раз за десять лет (с 1962 по 1972 г.) выросла преступность в ФРГ, во Франции число преступлений за семь лет удвоилось.

Среди причин преступности обращает на себя внимание обострение социальных конфликтов, снижение жизненного уровня трудящихся, а также безудержная проповедь потребительства, наживы любой ценой, культа насилия. Преступность выполняет и определенные функции в системе манипуляции как одна из форм подавления личности. Известно, что в городах с большой преступностью граждане боятся выйти вечером на улицу, страх перед преступниками ограничивает человеческое общение и активность, обрушивает связи и контакты человека в буржуазном обществе. Это еще одно веское свидетельство патологии буржуазного образа жизни.

В условиях, когда кризис институтов буржуазной демократии усиливается, апологеты капитализма выдвигают такое толкование происходящего процесса,

которое свидетельствует либо о их растерянности и утрате всякого чувства реальности, либо о цинизме. Чаще всего имеет место и то и другое. В обстановке нарастания авторитарных тенденций и ограничения прерогатив представительных институтов идеологи буржуазии говорят о «чрезмерной» демократии. В оборот пущен тезис об опасностях «массовой демократии», «тиrании большинства», представляющей как посягательство на права отдельных граждан и групп. «Демократии больше, чем надо» — таков ответ монополий на требования широких масс трудящихся демократизировать процесс принятия решений. «Людей портят излишества демократии», — внушают человеку идеологи «общества потребления». Нетрудно понять, что скрывается за подобного рода заботой о совершенствовании человеческого рода.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось: «Опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией. Но все это в конечном счете обречено на провал. Дело свободы, дело прогресса — непобедимо»¹.

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 30.

Апология безыдейности и индифферентизма

Ценность правильных представлений, четкой идейной ориентации хорошо известна людям из их жизненного опыта. Жизнь, к сожалению, изобилует примерами того, к каким тяжелым, порой трагическим последствиям человека приводят ошибочные взгляды. Опасность превратных представлений возрастает еще более, если они внедряются в сознание людей при помощи новейших технических средств и изощренной техники внушения, а система средств массовой информации бесконтрольно используется правящей элитой вопреки интересам народа.

Теоретики «общества потребления», проповедуя определенную модель образа жизни, поднимают на щит и соответствующую ей систему ценностей, которые определяют отношение человека к политике, идеологии, культуре. Наиболее характерна для потребительской идеологии проповедь беспартийности и надклассовости, имеющая своей целью парализовать или ориентировать в ложном направлении творческую активность человека, столкнуть его в болото обычательского прозябания.

Чем сильнее обнажается классовая сущность и своеокрыстие буржуазной идеологии и политики, тем настойчивее идеологи буржуазии выдвигают и проводят аполитичную идею беспартийности. Об этом писал В. И. Ленин в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» и ряде других своих работ, показывая социальные корни иллюзий беспартийности.

Разоблачение иллюзий беспартийности и безыдейности, насаждаемых проповедниками культа потреб-

ления, приобретает актуальное значение сегодня, когда развертывается массовое демократическое движение и в борьбу против основ буржуазного образа жизни вовлекаются многочисленные социальные слои, еще не обладающие четким и ясным классовым сознанием. Эти слои, по выражению В. И. Ленина, не способны сразу «подняться до партийности», для этого нужны время, опыт и упорная идеологическая работа по преодолению буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков, потребительского отношения к жизни. Опыт истории подтверждает, что влияние идей беспартийности носит временный, преходящий характер. Иллюзии беспартийности, надклассовости развенчиваются под воздействием долговременных и постоянно действующих факторов: обострения классовой борьбы, идеологической работы партии, вносящей классовое сознание в массы, и др.

Мощный аппарат империалистической пропаганды сегодня сосредоточен на том, чтобы, используя «потребительскую модель», отвлечь трудящихся от политической борьбы. Это тем более опасно, что существует определенная зависимость между внедрением потребительской идеологии и социально пассивной жизненной позицией, которая мешает развитию политического сознания.

Среди картин «Ада», нарисованных автором «Божественной комедии», особенно поражает воображение описание нестерпимых мук людей, теснящихся в преддверии первого круга. По словам Данте, эти люди повинны в самом страшном преступлении,— они занимали нейтральную позицию в жизни. «Люди без позиции» помимо терзающих их физических и духовных мук обречены на самое суровое наказание — презрение людей. Вспомните приговор поэта представителям «срединной позиции»: «Они не стоят слов! Взгляни — и мимо!» Со временем Данте облик людей, погрязших в болоте аполитизма, не стал более привлекательным.

В. И. Ленин писал: «Равнодушие к борьбе отнюдь не является... на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует... Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное вы-

ражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров»¹.

Человек, декларирующий свой политический индифферентизм, превращается в молчаливого пособника реакции, которая делает ставку на «молчаливое большинство», впавшее в апатию, сохраняющее безразличие.

Буржуазная идея нейтральности политики и идеологии существует во множестве вариантов: от обоснования политического и идеологического индифферентизма до отрицания любой идеологии («дeидеологизация»). Однако проповедь «дeидеологизации», заостренная «против любой идеологии», по сути дела, служит лишь прикрытием для внедрения буржуазных идей. Она органически связана с концепцией «общества потребления», с «потребительской моделью», выступает как ее неотъемлемый составной элемент.

В пропагандистском преломлении рассуждения о «конце» или «закате» идеологии выступают в виде проповеди превалирования практических проблем над идеологическими, приоритета материальных потребностей над духовными, трактуемого в вульгарно-материалистическом плане. Обогащайтесь, делайте деньги, накопляйте имущество и забудьте обо всем остальном — таков смысл «дeидеологизированной» пропаганды.

Конечно, подобные рассуждения далеко не исчерпывают потребительские аспекты концепции «дeидеологизации», и сводить ее к ним было бы большим упрощением. Известно, что буржуазная пропаганда обнаруживает большую изворотливость. Многие годы идеологи антикоммунизма в своих нападках на социализм использовали проблему материального благосостояния народа. Широкое распространение получили спекуляции на тех трудных условиях, в которых шло строительство социализма в нашей стране: хозяйственная разруха, отвлечение огромных ресурсов на восстановление хозяйства после войн, навязанных империализмом, и т. д.

Сейчас, когда прогресс социализма в обеспечении высокого жизненного уровня народа стало трудно за-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 137—138.

малчивать, наши идеиные противники пытаются доказать, что это плод лишь научно-технической революции, никакого отношения к социальным условиям не имеющей.

Успехи социализма в соревновании двух систем вынуждают наших противников перестраиваться, и эта тенденция обнаруживается во многих формах. Например, американский советолог П. Холландер, несмотря на нескрываемое недоброжелательство к социализму, в своей книге «Советское и американское общество» (1973 г.) вынужден признать: «Сейчас трудно себе представить, что политическая кампания в Америке могла проводиться на основе программы, посвященной тому, как плохо обстоят дела в СССР (или в другой стране), — с приведением цифр об уровне заработной платы в СССР, цен на потребительские товары, о количестве автомобилей в сравнении с численностью населения, данных о жилищных условиях и т. д.». Характерным примером подобного рода метаморфоз является буржуазная концепция конвергенции, и именно те ее варианты, в которых делается акцент на возрастающем сходстве двух противоположных образов жизни в области уровня потребления и якобы вытекающих из этого процессах «идеологической интеграции», синтезе марксизма и буржуазной идеологии, «мирном сосуществовании» в области идеологии и т. д.

Среди западных социологов широкое распространение получила идея о том, что капиталистический и социалистический образ жизни под воздействием индустриального развития якобы могут медленно «дрейфовать» навстречу друг другу и в конечном счете слиться в нечто единое, превратившись в новый гибрид «общества потребления».

При этом общность социальных систем в различных вариантах «теории» конвергенции рассматривается в различных планах. Довольно часто можно встретить футурологические проекции слияния в исторической перспективе социализма и капитализма. Наряду с этим теоретики конвергенции толкуют об общности ряда черт противоположных общественных систем уже на современном этапе их развития. Такую общность они усматривают в том, что капитализм и социализм уже якобы превратились в «потреб-

бительское общество» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По мере того как с полной очевидностью обнаруживался провал расчетов на инфильтрацию под флагом конвергенции потребительской идеологии в страны социализма, стало изменяться и отношение к ней стратегов антикоммунизма. Среди них стали раздаваться голоса критиков справа, рассматривающих концепцию конвергенции как неэффективную оборонительную доктрину, мешающую развернуть наступление на позиции марксизма и реального социализма. Многие книги буржуазных авторов, написанные с позиций конвергенции, критикуются за акцент на позитивных аспектах сходства противоположных общественных систем. Рассуждения о сближении в области потребления и жизненного уровня вызывают беспокойство идеологов антикоммунизма, поскольку, по их мнению, сужают возможности критики экономической и политической системы социализма. В настоящее время некоторые из сторонников антикоммунизма делают упор на дивергенции, т. е. расхождении социалистической и капиталистической общественной систем, признают их принципиальное различие по коренным вопросам с целью «вывести» отсюда некие мнимые преимущества буржуазного образа жизни. Вырисовывается своеобразный вариант «негативной конвергенции», поскольку прокламируется якобы имеющееся сходство двух образов жизни в отрицательных проявлениях: потребительство, отчуждение личности, политических и социальных структур, бюрократизация, преступность и т. д. В потребительском варианте этой концепции элементы «сходства-различия» двух систем сбалансированы и заострены таким образом, чтобы активизировать атаки на марксизм-ленинизм и реальный социализм, избегая тех «уступок», которые содержались в признании повышения жизненного уровня трудящихся в странах социализма.

Сторонники леворадикальных концепций уделяют большое внимание анализу кризиса буржуазной системы ценностей, ориентированной на так называемую «потребительскую модель» личности и общества. В этом отношении весьма характерны взгляды, развиваемые Т. Адорно и Г. Маркузе.

По мнению представителей «критической теории», рост производительных сил и жизненного уровня в современных промышленно развитых странах, к которым они относят и социалистический мир, приводит к чрезмерному разрастанию экономических потребностей. Это полностью порабощает и личность, низводя ее духовные потребности до крайне примитивных проявлений. Потребительство влечет за собой дегуманизацию, духовное порабощение личности. Вульгарный экономизм человека-производителя, согласно взглядам Т. Адорно, отрицает «разумное человеческое счастье». Можно согласиться с острой критикой «бацилл потребительства», которые разворачивают человеческую личность и деформируют ее духовные основы. Однако Т. Адорно, руководствуясь «тотальным отрицанием», впадает в крайность и ставит под сомнение завоевания современного человечества в формировании качественно нового баланса потребностей. Идеолог буржуазии отказывается замечать тот исторический факт, что только социализм на базе общественной собственности на средства производства способен разрешить проблему оптимального сочетания материальных и духовных потребностей, сформировать качественно новые потребности, обеспечивающие нравственный расцвет личности. Социалистическая революция, ликвидируя эксплуатацию человека человеком, создает предпосылки и для искоренения потребительской идеологии.

Т. Адорно, будучи противником социалистической революции, главный упор делает на преобразованиях в духовно-нравственной сфере, считая проблему удовлетворения первичных потребностей решенной в капиталистическом обществе.

Модная сейчас на Западе критика потребительских устремлений рабочего класса, его якобы имеющей место «интеграции в систему» при всей своей антипотребительской фразеологии представляет изнанку доктрины «общества изобилия». Она исходит из той ее посылки, что при капитализме достигается изобилие материальных благ.

Критики «общества потребления» типа Г. Маркузе остаются в общем и целом на позициях апологетики капиталистической системы и игнорируют значение освобождения труда от эксплуатации для преобра-

зования всей структуры потребностей личности и общества. Они ищут мифический «третий путь» освобождения в конечном счете в сфере духа, морали и т. д., но только не в сфере отношений собственности. Ратуя «за духовность», критики потребительского конформизма вместе с тем выступают против марксистской идеологии, принципиального противника потребительства. Это приводит к тому, что их критический пафос разряжается вхолостую.

Ложной является марксистская схема, согласно которой наиболее низкий уровень потребления порождает политическую активность и революционные взгляды. Это вульгарное извращение марксистского положения о материальной обусловленности политики, идеологии. Марксизм понимает под материальными условиями не просто уровень потребления, а совокупность более глубоких объективных факторов, коренящихся в производственных отношениях, причем факторов, действующих в сочетании с субъективными, ростом сознательности, политической организованностью, руководством коммунистической партии. Прямой связи между потреблением и политическим сознанием нет. Здесь более сложная система взаимозависимости и опосредования. Известно, что среди изгоев общества, людей, отброшенных на дно жизни, политическая реакция рекрутирует своих наемников. Среди жителей гетто и бидонвиллей проявления социального протesta чаще всего носят анархический характер.

В отличие от подобного леворадикального подхода, некоторые буржуазные социологи с позиций политической реакции отвергают необходимость участия людей в любых формах политической, общественной деятельности. Например, уже упоминавшийся социолог Р. Арон пишет: «Общество потребления... само по себе не создает смысла жизни. Но его не создают также ни голод, ни нищета. Скука, бессмыслица существования не могут быть упразднены с помощью электронно-вычислительных машин и участием в университетских словопрениях или профсоюзной деятельности».

В последние годы буржуазные и ревизионистские идеологи пустили в ход несостоятельный тезис о «перерождении сознания» трудящихся в конформистски-

потребительском духе, о возникновении «нового образа мышления», делающего упор на функциональные связи, количественные измерения. Следствием распространения потребительских стандартов, результатом «синдрома изобилия» представляется в буржуазной науке и пропаганде «деполитизация», рост аполитизма, равнодушие к общественным интересам. По мнению некоторых американских футурологов, мир в эпоху научно-технической революции, став на путь процветания, может сделаться легкой добычей тоталитаризма ввиду роста политического индифферентизма. Подобного рода представления имеют в качестве своего источника глубоко ошибочные взгляды на современные политические процессы.

В свое время идеологи нарождающейся буржуазной демократии рассматривали политическую активность как гражданскую добродетель. В эпоху империализма это достоинство превращается в трудах многих политологов уже в порок, источник беспокойства для правящего класса.

Авторы концепции «деполитизации» обосновывают правомерность и даже желательность аполитичности граждан, выводят закон «взрастающего равнодушия к политике» все большего числа людей. Можно встретить разные аргументы в пользу такой позиции. Например, социолог из ФРГ Р. Дарендорф в своей книге «Конфликт и свобода» (1972 г.) посвящает специальную главу анализу участия граждан в политике, проявления ими инициативы и делает весьма характерные выводы. По его мнению, политическая пассивность является не только приемлемым, но и желательным явлением, свидетельством «здоровых политических условий». Высокая степень политической пассивности, пишет Р. Дарендорф, свойственна населению государств с рыночной системой хозяйства, где инициатива в принятии и реализации решений принадлежит особым группам и организациям. Гражданину отводится, таким образом, пассивная роль исполнителя решений, мнение которого в расчет не принимается. Р. Дарендорф делает выпад против советской политической системы, упрекая ее не более и не менее как за политическую активность граждан. Действительно, политической

системе социализма, как подлинному народовластию, присуща высокая политическая активность граждан и общественных организаций, разнообразные проявления их инициативы, творческой самодеятельности. Высокая степень политической сознательности и активности граждан при социализме есть выражение последовательной демократии, соблюдения прав и свобод личности.

Рассуждения о «деполитизации» весьма характерны для современных буржуазных технократических концепций. Их авторы толкуют о переходе власти от собственников к управляющим, о доминирующей роли специалистов-экспертов при разработке и принятии политических решений, затушевывая тем самым истинную природу всевластия монополий, его реальные истоки. Технократические доктрины во многих своих аспектах связаны с идеологией потребительства. Прежде всего это проявляется в фетишизации роли техники, рассматриваемой вне социальных и политических условий и институтов как средство удовлетворения потребностей людей. Например, французский социолог Л. Ружье пишет: «Снабжать население продовольствием, жильем, топливом, светом, одеждой, работой, организовывать обучение, поддерживать денежное обращение — все это стало техническими проблемами... Подходить к любой из этих проблем с политической идеологией означает, напротив, искать решение, которое отвечало бы не искомым результатам, не имеющимся в наличии средствам, а неким исходным принципам». Как можно понять, Л. Ружье выступает против принципов, хотя сам отстаивает определенные «принципы» — аполитизм, фетишизацию техники и т. д. Он отказывается замечать, что ни одну из своих насущных нужд трудящиеся не могут обеспечить без постоянной упорной политической борьбы. Поэтому удовлетворение потребности в продовольствии, жилье, свете, одежде и т. д. не только техническая проблема, а прежде всего социальная, политическая.

За пятилетие с 1971 до 1975 г. число участников массовых выступлений в капиталистических странах выросло до 314 млн. человек (в предыдущем пятилетии их было 273 млн.). Резкое снижение в обстановке кризиса уровня жизни трудящихся опреде-

лило особую актуальность лозунгов защиты их материально-экономических интересов. Бастующие борются за изменение условий оплаты труда с учетом роста цен и инфляции, за подвижную шкалу заработной платы, установление гарантий от увольнения, за увеличение пенсий и пособий по безработице и т. д. Закономерно усиливается и накал политической борьбы. «...Самые существенные, «решающие» интересы классов,— писал В. И. Ленин,— могут быть удовлетворены только коренными политическими преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»¹.

Решение марксизмом-ленинизмом вопроса о соотношении различных форм классовой борьбы, подтвержденное историческим опытом, направлено против потребительски ограниченного принижения роли политической и идеологической борьбы, против гипертрофии «ближайших экономических нужд», которая так или иначе характерна для современного социал-реформизма и представляет собой своеобразный вариант «экономизма», подвергнутого критике ленинцами еще в начале нынешнего века.

Современный этап классовой борьбы трудящихся характеризуется усилением взаимосвязи политической и экономической борьбы. Увеличивается удельный вес всеобщих и общенациональных забастовок. Забастовки сочетаются с политическими демонстрациями. Трудящиеся все больше сознают, что обеспечить их непосредственные нужды и требования сегодня уже нельзя без изменения правительственной политики, ликвидации антирабочего законодательства, без расширения социальной базы борьбы с включением в нее государственных служащих, работников умственного труда, женщин, иностранных рабочих, тружеников сельского хозяйства. Трудящиеся выступают за расширение демократии в сфере производства и прав профсоюзов, улучшение охраны труда и т. д. Это выход за те пределы, которые отводит деятельности рабочих потребительская психология

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 46.

хозяев. Политически индифферентный потребитель, заявляющий о своей непричастности к политике, становится все большим анахронизмом. Политика в обстановке кризиса капиталистической системы вовлекает в свой водоворот и побуждает к активным действиям самые широкие общественные слои.

Не сужение интересов рабочего класса в духе потребительских установок «неоэкономизма», а расширение масштабов антимонополистической борьбы — таково веление времени. Неуклонное повышение уровня политического сознания и активности рабочего класса показывает полную беспочвенность домыслов глашатаев концепции «деполитизации» о том, что рабочий класс якобы политически пассивен и инертен, «интегрировался в систему», заражен потребительскими ориентациями, а в его сознании якобы превалируют «ценности частной жизни».

В. И. Ленин, отвергая фальшивые обвинения рабочих со стороны ревизионистов в пассивности, приводил аргументы и мнение самих рабочих: «У нас активности гораздо больше, чем вы думаете... мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких «осознательных результатов» не сулящие! И не вам «повышать» нашу активность, ибо *у вас самих как раз активности-то и не хватает*. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении *своей активности, господа!*¹

Представляя праздность и потребление без труда как общую черту современного человека, изображая потребительство как свойство «нового глобального сознания», идеологи буржуазии тем самым универсализируют образ жизни господствующего класса.

Буржуазия склонна представлять свои собственные пороки как болезнь всего общества, а присущий буржуазному сознанию потребительско-меркантилистский дух — как свойство человеческой природы вообще.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что буржуазия «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 74.

ной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности»¹.

По мере развития капитализма черствая расчетливость буржуа усугубляется, становится неотъемлемой чертой буржуазного образа жизни, пронизывает строй мыслей. Ф. Достоевский писал: «Наше время, железное, деловое, денежное время, расчетливое время, полное таблиц, цифр и нулей всевозможного вида и рода». Социологи говорят об особом типе рациональности, придающей особое значение количественным измерениям. Считают не только инженеры и техники. Потребитель скрупулезно подсчитывает свой бюджет, баланс доходов и расходов. Большим спросом пользуются карманные компьютеры для повседневных расчетов. В этом нет ничего плохого. Техника и экономика сегодня не могут развиваться без точных расчетов. Но из этого делаются ошибочные политические выводы, будто в современном обществе происходит переход от типа человека, ориентирующегося на социально-политические преобразования, к «калькулирующему, взвешивающему типу», рассматривающему явления в исключительно экономико-техническом аспекте. Согласно таким взглядам, «индустриальное общество» формирует рассудочного человека, аналитика, прагматика.

Если бы эти рассуждения претендовали только на то, чтобы подчеркнуть меркантильно-расчетливую натуру буржуа, то с этим можно было бы согласиться. Однако их цель другая. Обнаруживается явное намерение путем обсуждения проблем техники, потребления, распределения заставить забыть о необходимости социальной революции, формирования революционного сознания, которое подменяется «технологизированным» мышлением. Рассуждения о технократическом «деполитизированном» мышлении носят откровенно антиреволюционную направленность. В особенности это относится к выдумке идеологов антикоммунизма, будто современный человек предварительно подсчитывает экономические убытки от революций и поэтому не испытывает к ним склонности.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

Особенности нового, «неидеологического» склада мышления западные социологи видят именно в том, что потребитель руководствуется «социальной инженерией», «интеллектуальной техникой» и другими методами управлеченческой деятельности в противовес ценностным, идеологическим суждениям. В качестве «доказательства» обычно делается ссылка на эффективность удовлетворения нужд потребителя, решения социальных и экономических проблем, минуя обычные демократические процедуры.

Технократические концепции по своей сути антидемократичны, являются апологией авторитаризма. На их базе делаются попытки обосновать необходимость уменьшения прав парламента, представительных учреждений, узурпации исполнительной властью полномочий законодательной, создания всевозможных технократических «теневых кабинетов», «мозговых трестов».

Идеологи технократии превозносят привилегированное положение высшего слоя технических специалистов, выполняющих волю монополий, пытаются внушить веру во всемогущество административного аппарата.

Так, американский социолог Д. Белл, объявляя себя последователем Платона и Сен-Симона, отмечавших роль специалистов-технократов, философов, ученых в управлении общественными процессами, представляет будущую систему управления как господство ученых, образующих элиту и осуществляющих политику по законам рациональности. Социальный контекст этого «идеала» ограничен, демократия подменяется олигархией технических специалистов.

Авторы технократических доктрин в той или иной степени заигрывают с потребителем, объявляют технократов последовательными защитниками его интересов «без идеологической предвзятости». Однако слой управляющих, в особенности на вершине пирамиды власти, представляет собой плоть от плоти класса монополистической буржуазии, проводит ее политику, защищает ее идеологию. Поэтому позиция технократа, стоящего якобы «вне политики» и «вне идеологии», не соответствует действительности.

В технократических теориях человек, по сути дела, предстает как пассивный объект манипуляции со

стороны элиты. «Аргументы к потребителю», щедро рассыпанные в трудах социологов и речах политических деятелей на Западе, далеки от подлинного уважения к нему. Для характеристики потребителя часто используются образы: стадо, бездумно бредущее за вожаком и подгоняемое «дубинкой рекламы», «пресыщенный зверь» и т. п.

Для понимания целей и сути буржуазной пропаганды, оперирующей «доводами» потребительской идеологии, необходима четкая политическая ориентация. Вместе с тем следует иметь в виду, что критика потребительства нарастает и со стороны тех, кто не разделяет марксистского учения. Это обстоятельство в достаточной степени характеризует современное состояние идеологии потребительства. Все чаще появляются в демократической печати на Западе материалы и исследования, в которых обличается «потребительская модель» образа жизни. Использование этих работ требует умения отсечь оценки и выводы апологетического характера, преодолеть половинчатость и непоследовательность буржуазного и мелкобуржуазного критицизма.

Американский социолог Ч. Райх в своих работах остро критикует пороки буржуазного образа жизни, такие проявления его кризиса, как «искусственный характер труда и культуры», «потребительская модель» образа жизни, бедность, коррупция, упадок демократии и свободы, бесконтрольность техники и разрушение окружающей среды, лицемерие, отсутствие общения и др. Однако непосредственная причина социальных неурядиц и потрясений усматривается им в ложном сознании, и поэтому достаточно, по его мнению, заменить его «новым сознанием», как социальная система и образ жизни придут в норму. Для социальной утопии Ч. Райха весьма характерен упор на преобразованиях в сфере сознания при игнорировании решающей роли материальных основ образа жизни.

В рассуждениях Ч. Райха немалое место отведено попыткам осмыслить различные проявления социальной активности молодежи, оказывающие благотворное влияние на личность. Многие социологи признают, что нерешенной проблемой в «обществе потребления» является обеспечение участия общест-

венности, в том числе молодежи, в жизни общества, предоставление права на полноценную умственную, творчески насыщенную жизнь. В то же время они отрицают роль политической борьбы и революции как средств рационального изменения существующего образа жизни. Политические действия протesta лишь стабилизируют, укрепляют существующую систему, полагает Ч. Райх. Упразднение корпоративного государства, политической репрессивной системы, бюрократии и т. д. он рассматривает как непосредственную функцию изменения сознания, следствие «тактики на уровне сознания». По его мнению, только тогда, когда в результате преобразования сознания установится новый образ жизни, будет иметь смысл обсуждение вопросов социальной структуры и политических институтов. По существу, это уход от политики. Социальный консерватизм подобной позиции обнаруживается весьма определенно, когда Ч. Райх предлагает строить новый образ жизни из существующих ныне антигуманных структур, заявляя, что «новый образ жизни не должен ожидать появления нового мира, он может быть построен из элементов, существующих ныне».

Насаждая аполитизм, буржуазия стремится извратить реальное содержание понятия революции. «Прирученная» и выхолощенная «революция» становится своего рода модным поветрием, чуть ли не принадлежностью повседневного быта. По ироническому замечанию французского социолога Ж. Эллюля, «революция» в Латинском квартале в мае 1968 г. вспыхивала по ночам, чтобы благоразумно угаснуть с зарей. Днем «революционеры» спали, а на уик-энды уезжали по традиции за город, не пренебрегая ни одной из своих потребительских привычек. Представители университетской элиты, крупной буржуазии и их отпрыски собирались на виллах и в замках для салонной болтовни о революции. Буржуазная пресса, радио и телевидение приложили немало усилий, чтобы, опошливая понятие революции, создать у людей впечатление, что они подняты на самый гребень революционной волны. Средства массовой информации ежедневно выдают наряду с новостями спорта и моды дозированные порции «революционной» информации, воспринимаемой как самый банальный и при-

вычный факт. Это своего рода «призывка» псевдореволюционности, с помощью которой буржуазное общество обезвреживает революцию. Оно пытается справиться с ненавистным словом «революция», низводя его высокий смысл до тривиальности обыденных явлений, сопрягая с чем угодно. Дело дошло до того, что можно прочитать о «пятнадцати революциях в моде» или даже о «революции», которую претерпевает, например, шариковая ручка и другие предметы обихода. Анализируя причины «моды на революцию», Ж. Эллюль видит ее психологические истоки прежде всего в убожестве, серости и скуке буржуазного образа жизни. Чем тривиальнее действительность, тем больше потребность в красивых и громких эпитетах. Увлечения революцией и всем революционным он рассматривает как реакцию общества, человека на чрезмерно регламентированный, погрязший в рутине образ жизни.

Ж. Эллюль обоснованно критикует попытку буржуазии приспособить и использовать само слово «революция», выхолостив и опошлив его смысл. Однако он попадает в плен антикоммунистических взглядов на революцию, когда пытается обосновать ложный тезис, будто вообще в современную эпоху революция в марксистском понимании этого слова изжила себя и ведет к бюрократическому перерождению государства и упразднению свободы личности. Свою концепцию Ж. Эллюль строит на заимствованном у анархистов тотальном отрицании государства, на неприятии государства социалистического типа. При этом он некритически воспроизводит клеветнические нападки на социалистическое государство, на компартию.

Когда Ж. Эллюль разоблачает власть «системы интеграции» в буржуазном обществе, превращающую при помощи потребительских лозунгов недовольство «в систему компенсации», его критика во многом бьет в цель. Но она оборачивается анархическим нигилизмом, пустым и вредным отрицанием, когда Ж. Эллюль нападает на социализм, не видя, что именно этот строй раскрепощает личность, освобождает ее от эксплуатации, засилья идеологии стяжательства, индивидуализма. В ходе социалистической революции освобождение личности от гнета буржуазной, «многой коллективности» представляет историческую

необходимость, равно как и последующее утверждение социалистического строя как подлинной колективности. Призыв Ж. Эллюля освободить личность от принадлежности к коллективу, по существу, реакционен.

Ж. Эллюль не замечает, что его индивидуалистическая концепция своим отрицанием социализма входит в систему антиреволюционных мер, разработанных антикоммунизмом в целях манипулирования сознанием и поведением людей. Противник манипуляции, приспособления на словах невольно оказывается их проводником на деле. Отрицание социалистической перспективы на поверку оказывается разновидностью аполитизма и безыдейности, консервации «потребительской», «мещанской модели» образа жизни.

Западногерманский писатель Ганс Вернер Рихтер пишет: «Разве нам не очень хорошо живется в нашем спальном купе, мягким от поролона, в поезде, о котором мы не знаем, куда он идет? Зачем знать, что происходит или что может произойти завтра?.. Зачем ехать по плану и к цели? Разве недостаточно, если мы доверимся поезду и с верой в судьбу, как уже часто было, отдадимся неизвестности?»

Можно допустить, что подобный образ жизни и мышления устраивает человека, путешествующего в спальном вагоне первого класса с поролоновым комфортом. Но как быть с теми, кто теснится на жесткой скамейке третьего класса и подсчитывает, насколько дорожные расходы превышают возможности скучного бюджета? И таких немало. Поэтому вместо прокламируемой теоретиками «деполитизации» и «деидеологизации» безыдейности, индифферентизма наблюдается растущий интерес к политике у тех, кого буржуазные идеологи третируют как «узкобых потребителей». Они склонны к размышлению о конечном пункте маршрута. Их обуревают мысли о социальной несправедливости и возможных политических путях и средствах ее устранения. Мысли этих людей не хотят и не могут оставаться в тупиках потребительского образа жизни. Они ищут путь к идеологии, объясняющей мир, и политике, преобразующей его на новых началах.

Суррогаты „массовой культуры“

Часто употребляемое выражение «хлеб культуры» указывает на насущную необходимость для человека духовных благ. Культура — одно из важнейших проявлений богатства народа и отдельной личности. Однако приобщение масс к культуре в решающей степени определяется классовой природой общества.

Потребительское отношение к человеку, присущее буржуазному образу жизни, приводит к одностороннему его развитию. Капиталистическая интенсификация труда калечит работника не только физически, но и духовно.

Для «потребительской модели» образа жизни характерно обеднение социальных связей личности. Оно выражается во многих формах и в особенности отрицательно сказывается на развитии духовных потенций человека, его культуры.

Политику империалистической буржуазии в области культуры часто называют культурной сегрегацией. И для этого есть веские основания.

В книге «Мораль и общество», подготовленной Центром марксистских исследований Французской коммунистической партии, приводятся следующие данные. 45 % опрошенных французов до сих пор считают астрологию наукой. Каждый второй француз не читает. Из четырех рабочих трое, а из пяти крестьян четверо никогда не берут в руки книгу. Среди театральной публики рабочие составляют один процент. Лишь четверо рабочих и один крестьянин приходится на каждую сотню посетителей музеев.

В исследовании приводится характерное высказывание рабочего: «Я чувствую в себе опустошенность. К вечеру я полностью выдыхаюсь. И это повторяется

бесконечно». Таковы интеллектуальные, духовные аспекты буржуазного образа жизни, свидетельствующие о том, что производители материальных благ отчуждаются, по сути дела, от сферы культуры.

Отношение к культуре со стороны буржуазных идеологов двойственно и противоречиво. Наиболее консервативные из них прокламируют ненужность и даже вредность культуры для простого труженика. В доктринах «культурной элиты» рабочему либо отводится роль потребителя культуры «низшего сорта», либо вообще игнорируется право человека труда на приобщение к духовным богатствам цивилизации.

Вместе с тем в буржуазных теориях сокращение рабочего времени и рост досуга нередко рассматриваются как единственный канал самовыражения личности. В доктринах «цивилизации досуга» значение роста свободного времени при капитализме крайне преувеличивается, если учесть, что капитализм обрекает трудящихся, по существу, на «культурный голод».

Традиционно буржуазная социология проявляла большой интерес к потребностям в сфере досуга и в гораздо меньшей степени интересовалась самим трудом. Французский буржуазный социолог Г. Тард еще в конце прошлого века утверждал: «Экономическая жизнь человека состоит не только из работы, но и из досуга. И досуг, который экономисты почти полностью игнорируют, в определенном смысле даже более важен для изучения, чем работа: ведь не досуг существует для работы, а работа для досуга». И далее: «В той степени, в какой рабочий день крестьянина и рабочего стал короче, в этих классах растут новые потребности, порожденные новым досугом и открывающие несравненно большие рынки сбыта для производства. Ведь, чем меньше человек работает, тем больше у него потребность в потреблении».

Однако дело не только в большем количестве свободного времени. Огромное значение имеет то, чем оно заполнено, что опять-таки зависит от характера труда.

Американский журналист Р. Лемон в книге «Обеспокоенный американец» (1970 г.) приводит высказывание 44-летнего рабочего Рэя Вальзака с завода тя-

желого машиностроения в Милуоки: «В мастерских я работаю с 16 лет. Работал я как последний дурак. Здесь я нахожусь 18 лет, и, если бы я прожил до ста лет, я бы, по всей вероятности, делал ту же работу. Единственная прибавка, которую я получил,— это профсоюзная. Я просил и доказывал хозяевам: «Я не прошу четверть доллара, а всего лишь десять центов». Вместо этого я слышал в ответ только одно: будь терпеливым, будь терпеливым. Они должны дать мне медаль за терпение. День за днем, год за годом подниматься по тем же ступенькам, прокалывать ту же табельную карту. Стоять на том же проклятом месте, шлифовать те же чертовы отверстия. От этого тошнит. Но хозяев это не касается. Мы просто пеоны, просто номера. И если вам это не нравится, заявляют они, всегда имеется кто-либо другой, ожидающийся вашей работы».

Тяжелый однообразный труд, отсутствие перспективы и возможностей для проявления творческой инициативы личности, раздувание материальных потребностей в ущерб культурным — все это не может не наложить отпечаток на характер проведения досуга, а следовательно, и на степень приобщения трудящихся к достижениям культуры.

Более века тому назад русский революционер-демократ Д. И. Писарев писал: «Мы уважаем труд, но этого мало. Надо, чтобы труд был приятен, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженику и чтобы физический труд постоянно уживался с обширным умственным развитием. Пока это не будет сделано, всякая цивилизация будет находиться в неустойчивом равновесии перевернутой пирамиды».

В условиях капитализма серьезным препятствием для получения образования, приобщения к благам культуры служит материальная необеспеченность. Дети малообеспеченных слоев населения составляют крайне ничтожный процент общего числа выпускников колледжей и университетов. По данным обследования, проведенного в 1970 г., в США более 18 млн. людей в возрасте от 16 лет и старше не умеют практически ни читать, ни писать. Умение читать также еще не решает проблемы. 40% детей не читают никаких книг, кроме учебников.

Культурные потребности трудящихся в условиях капитализма искусственно ограничиваются и низводятся до уровня стандартов «массовой культуры».

Американский психолог А. Маслоу в своем труде «Мотивация и личность» (1971 г.) пытался обосновать своеобразную иерархию потребностей, среди которых он выделяет: основные (первичные) физиологические нужды (пища, жилище, одежда, безопасность и т. д.) и вторичные потребности, потребности социально-психологического порядка (стремление человека к самовыявлению, потребность в симпатии, любви и участии, в уважении и самоуважении, в культурном развитии и т. д.). По мнению А. Маслоу, в «индустриальном обществе» первичные нужды уже удовлетворены и господствуют вторичные потребности. При этом потребности понимаются весьма статично, игнорируется динамика их воспроизведения и удовлетворения в условиях эксплуатации труда. Удовлетворение первичных потребностей А. Маслоу связывает с ростом заработной платы. Однако он не учитывает усиление интенсификации труда и зависимость реальных доходов трудящихся от инфляции. В этих условиях первичные потребности не могут отойти на второй план, наоборот, растет неуверенность трудящихся в завтрашнем дне, страх потерять работу и т. д.

Многие буржуазные идеологи на Западе отмечают антипотребительский характер выступлений общественности, в особенности молодежи, рост требований обеспечить свободный доступ к благам культуры.

Осознание катастрофической деформации потребностей в «обществе потребления» приобретает различные формы. В романе «Пример» западногерманский писатель З. Ленц повествует о трех педагогах, работающих над главой для школьного учебника. В этой главе они должны представить в качестве образца для подражания поучительную жизненную ситуацию. Они в конце концов приходят к выводу, что такой пример найти невозможно, если руководствоваться не высокими нравственными ценностями, а потребительскими идеалами. И педагоги решают включить в книгу текст о жизни и смерти женщины, борющейся против фашистского режима. И хотя издательство в конечном счете отвергает такой пример,

главное, что общественное мнение все активнее выступает против узкопотребительского отношения к жизни, нравственным и другим культурным ценностям.

Извращение потребностей находит свое выражение во многих уродливых проявлениях буржуазного образа жизни. Среди них на первое место надо поставить рост злоупотребления наркотиками, что стало поистине национальным бедствием в ряде капиталистических стран. По оценке статистической службы управления по борьбе с наркоманией, злоупотребление наркотиками в США обходится в 10—17 млрд. долларов в год, расходы американцев только на кокаин составили более 3 млрд. долларов, объем торговли этим наркотиком за два года удвоился. Подсчитано, что от злоупотребления наркотиками в США ежегодно умирает свыше 15 тыс. человек.

«Массовая культура» с ее ориентацией на неразвитые вкусы часто представляется как потакание низменным инстинктам, садистским наклонностям и другим антисоциальным проявлениям. Это действительно так. Она активно формирует своего потребителя, пытается привить широким массам потребительское, утилитарное, торгашеское отношение к культурным ценностям.

Французский ученый А. Моль, автор ряда работ по социологии, психологии, теории информации, в своей книге «Китч — искусство благополучия» (1971 г.) рассказывает об одной из форм манипулирования вкусами потребителя. Слово «китч» на южнонемецком диалекте означает делать что-то наспех, кое-как. По смыслу оно близко русскому слову «подделка», т. е. вещь, не имеющая подлинной художественной ценности. Всякого рода сувениры, украшения, орнаменты, декорации, стилизованная мебель представляют собой часто встречающийся элемент интерьера современной квартиры. И в этом не содержится ничего предосудительного. Но предметы «китча» превращают человеческое жилище в безвкусную выставку показного благополучия. Имитация стилей, раскраска «под золото», «под бронзу», «под мрамор», все возможные поделки, суррогаты, копии создают некий особый мир, рассчитанный на нетребовательные вкусы. Проявление здесь частнособственных ин-

стинктов ведет к накоплению фетишей «массовой культуры», не требующих для своего усвоения высокого уровня духовного развития.

Символы буржуазного, мещанского благополучия, конечно, не ограничиваются этими предметами. Еще в прошлом веке буржуа показателем респектабельности образа жизни считал обладание не только предметами длительного пользования, не теряющими своей ценности и способности приносить доход (дом, земельный участок и т. д.), но и предметами, повышающими престиж и кредитоспособность в глазах окружающих (картинная галерея, собственный выезд и т. д.).

Но никогда ранее произведения искусства в капиталистическом обществе не были объектом такой беззастенчивой спекуляции, как ныне. Бизнес в сфере культуры оборачивается разграблением национального достояния. Так, за последние двадцать лет, согласно официальной статистике, в Италии число преступных хищений произведений искусства увеличилось в 17 раз. Создалось реальное противоречие между ценностями культуры, которая по своему объективному назначению является достоянием всех людей, и капиталистической практикой, при которой предмет искусства превращается в частную собственность, становится объектом купли-продажи.

С ростом экономического могущества монополий в современном капиталистическом обществе усиливается их стремление установить «контроль над умами», подчинить своему влиянию и сферу духовной жизни, рассматривая культуру как инструмент духовного подавления. Одним из орудий политического и идеологического манипулирования становятся средства массовой информации, которые все более интегрируются в систему политической власти.

На одной из реклам подтянутый молодой человек с чемоданчиком «атташе» озабоченно глядит на часы с видом бизнесмена, спешащего на очередную встречу. Любопытная деталь: в спине у него торчит огромный ключ наподобие тех, которыми заводят механические игрушки. Этот рекламный проспект приглашал «заведенных» деловых людей ослабить пружину и «раскрутиться» в отелях Шератон. Однако художник, создавший рекламу, невольно дал в ней типич-

ный, обобщенный образ запрограммированного человека, являющегося объектом манипулирования.

Французские социологи-марксисты, исследуя взаимосвязь средств массовой информации с политикой, пришли к выводу, что хозяином положения здесь оказывается политическая власть и все рассуждения о свободе доступа к средствам массовой информации, к культуре представляют либо самообман, либо преднамеренную попытку ввести в заблуждение.

Положение идеолога в системе отношений буржуазного общества некоторые зарубежные исследователи уподобляют гетевскому Фаусту, который продал душу дьяволу, или в лучшем случае сравнивают с Прометеем, прикованным к скале.

Осознание факта своей «ангажированности» в системе власти монополий, конфликта между традиционным представлением о «свободе» деятельности и зависимостью от манипулятивных механизмов является для многих социологов на Западе источником мучительных нравственных переживаний, духовного разлада.

Анализ положения прессы и других средств массовой информации при капитализме вынуждает даже буржуазных социологов признать, что заявления о их свободе и независимости в условиях усиления диктата монополий все более превращаются в фикцию. Наряду с экономическими рычагами здесь используются и средства прямого и косвенного политического воздействия. Главной причиной исчезновения множества изданий газет и журналов является концентрация средств массовой информации, удушение монополистическими спрутами своих конкурентов. Прогрессивная печать нередко подвергается преследованиям, на нее обрушаются репрессивные санкции: конфискации, штрафы и т. д.

Все это приводит к такому положению, при котором, как считают некоторые буржуазные социологи, анализирующие функционирование средств массовой информации (Ж.-Ж. Серван-Шрейбер и др.), объективность, которая приходится на долю информации,— это «объективность рекламного каталога». В связи с этим задается вопрос: а существует ли, в конце концов, какая-нибудь связь между имевшим место собы-

тием и информацией о нем? Одна из крупнейших американских фирм — «Проктер энд Гэмбл», например, имеет специальную инструкцию для тех изданий, радио- и телестанций, через которые она рекламирует свои товары: «Программы... не должны содержать ни прямых, ни косвенных намеков, которые могли бы в какой-либо мере ущемить интересы коммерческой организации... создавать хотя бы малейшее представление о том, что бизнес связан с расчетом, жестокостью и лишен всяких эмоций и духовных мотивов». Дезинформация населения в буржуазном обществе стала настолько острой социальной проблемой, что вызывает растущую тревогу общественности, обеспокоенной попранием прав граждан на объективную информацию о состоянии дел в той или иной стране и за ее рубежами.

В последнее время в капиталистических странах широкое распространение получила доктрина «свободного потока информации». Она усиленно поднимается на щите буржуазной пропагандой. В рассуждениях буржуазных идеологов о «свободном потоке информации», о «свободном обмене» идеями и другими ценностями культуры сказывается, с одной стороны, потребительский подход к сфере культуры, подчиняющий ее законам рыночной экономики, а с другой — стремление подвести базу под идеологическое проникновение, под широкое распространение стандартов «массовой культуры». Под видом лозунга «свободного обмена» находит свое выражение попытка навязать социалистическим странам такие условия культурного обмена, которые нарушают принципы государственного суверенитета, влекут за собой вмешательство во внутренние дела этих стран.

В стратегии империализма международный культурный обмен рассматривается как важный канал идеологической инфильтрации, разжигания частнособственнических инстинктов, стяжательства, навязывания «потребительской модели», различных сторон буржуазного образа жизни в качестве «образца» для подражания. Причем упор делается на обмен, так сказать, «через голову» правительств, общественных организаций, минуя регламентацию и любые формы контроля, обычные в практике суверенных государств.

Ныне в обстановке развития разнообразных контактов и культурных связей между государствами особое значение приобретают ленинские положения о том, что в классовом обществе не может быть никакой «надклассовой» культуры. Отсюда классовый подход к культурному наследству и проблеме культурных связей состоит в том, что пролетариат «берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы»¹. Коммунистическая партия и социалистическое государство, основываясь на суверенных правах народа, вопрос о том, что брать и что не брать из культурного наследства и духовного багажа других стран, решают, исходя из основ социалистической идеологии, традиций социалистической культуры.

Подлинно партийному подходу к культурному обмену совершенно чужды ограниченность, сектантство и замкнутость. Интернациональное взаимодействие культур расширяет базу для утверждения ценностей и идеалов демократической культуры, отвечающей интересам социального прогресса, гуманизма, мира, демократии.

Вместе с тем развертывание этого процесса в условиях оздоровления международной обстановки требует прекращения провокационной практики антикоммунистических диверсий и антисоветских кампаний, навязывания тех элементов псевдокультуры, в которых находит выражение идеология и психология реакционных сил, враждебных трудящимся, обреченных историей. Оно требует также положить конец всякого рода антикоммунистическим кампаниям, репрессиям против инакомыслящих в самих странах капитала. Эти преследования получили распространение в последние годы под эгидой антидемократических законов, например запрета на профессии в ФРГ и т. д. Идеологи реакционных империалистических сил, мыслящих в духе представлений «холодной войны», всячески пытаются создать заслон против дальнейшего расширения влияния марксизма-ленинизма и «усилить культурное давление» с позиций антикоммунизма.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 318.

Коммунисты выступают за интернациональное сотрудничество народов, за обмен подлинными духовными ценностями на основе уважения принципа государственного суверенитета, традиций и законов каждой страны и решительно отвергают навязываемые империализмом антигуманные суррогаты так называемой «массовой культуры».

Главная забота буржуазных идеологов и пропагандистов состоит в том, чтобы трудящиеся капиталистических стран «не стали потребителями» социалистической культуры, не зашли слишком далеко в осознании преимуществ социалистического образа жизни. В этом отношении характерно признание американского политолога Дж. Урбана: «Когда мы думаем о культуре в широком смысле и охватываем политику и культуру общества, то видим исключительно реальную возможность, что идущее в двух направлениях движение людей и идей может превратить нас в потребителей таким образом, который нельзя считать благотворным... Возьмем, например, становящиеся все более интенсивными отношения между ФРГ и ГДР. Так как все больше западных немцев лично знакомятся с Восточной Германией, они удивлены некоторыми аспектами жизни там. Они открывают... что это страна более простых, более ясных ценностей по сравнению с пульсирующими, хаотичными, насыщенными корыстными интересами и материализованными ценностями западных немцев. Западный немец видит целесообразность действий искренность в Восточной Германии, черты, которые не находят на Западе...»

«Простые и ясные ценности» социалистического образа жизни представляют, как мы видим, даже по признанию некоторых наших идейных противников, привлекательный контраст по сравнению «с корыстными интересами и материализованными ценностями» образа жизни на Западе. Отсюда различные попытки парализовать воздействие примера социализма, всевозможными заслонами отгородить социалистическую культуру. Это не может не сказаться на уровне информированности населения на Западе. Институт Гэллапа в США провел опрос на тему «Что американцы знают о Советском Союзе». Оказалось, что 16 % студентов американских коллед-

жей не знают, против кого и на чьей стороне воевал Советский Союз во время второй мировой войны, 9% студентов считают, что СССР воевал на стороне Германии, 14% американских студентов не смогли назвать два любых советских города, 8% не знают столицы СССР, 34% никогда не читали ни одной из книг русских авторов, 87% не видели ни одного советского фильма и т. д.

Уже в свете этого и подобных ему фактов видно, чего стоит пропаганда на Западе мифа о социалистических странах, как якобы о «закрытом обществе», избегающем общения с другими народами, уклюняющемся от обмена информацией и развития контактов между людьми.

Под прикрытием вымыслов о «закрытом обществе» империалистические государства в действительности осуществляют политику своего рода «культурной блокады» в отношении социалистической идеологии и культуры.

Рассуждения, встречающиеся в буржуазной прессе, на тему о том, что «Советы боятся культурного обмена», выглядят неуклюжей попыткой исказить правду, закрывая глаза на факты культурной дискриминации, проводимой империалистическими странами.

По данным ЮНЕСКО, как известно, Советский Союз занимает первое место в мире по выпуску переводной литературы. Достижения культур других народов являются достоянием широких масс в нашей стране. Только в послевоенные годы у нас выпущено около 7 тыс. произведений американских авторов, по 4,5 тыс.—английских и французских. Ежегодно на языки народов СССР переводится до 300 и более произведений американских авторов, по 150 книг—английских и французских. Их тиражи непрерывно растут. Книг же советских авторов издается в странах Запада в несколько раз меньше. В театральном сезоне 1972/73 г. на советских сценах шло 40 пьес американских авторов, в США—четыре пьесы дореволюционных русских авторов и ни одной советской. Американские прокатные фирмы большей частью «воздерживаются» от демонстраций советских фильмов. В социалистических странах демонстрируется в десятки раз больше фильмов капиталистических

стран, чем в последних кинопродукции из стран социализма.

В западной печати часто высказывается тревога в связи с проникновением американских культурных ценностей, а вместе с ними и стандартов образа жизни в европейские страны.

Так, в ФРГ в последние годы фильмы американского производства все больше вытесняют с экранов картины местных киностудий. Если в 1974 г. доля западногерманских фильмов во всем кинопрокате страны составляла 26 %, то в 1976 г. она снизилась до 10 %. Кинопромышленники США добились того, чтобы почти каждый второй фильм, показанный на экранах ФРГ, был фильмом их производства.

Идеологическая экспансия, насаждение стандартов «массовой культуры» представляет особую опасность для развивающихся стран, особенно тех, где империализм оставил тяжкое наследие в области культуры. Здесь еще высок уровень неграмотности населения (в некоторых из бывших колониальных и зависимых стран он достигает 97 %). Широкий размах в последнее время приобрело такое явление, как «утечка умов». Например, за последние двадцать лет в капиталистические страны, и в первую очередь в США, переехало из Латинской Америки 160 тыс. ученых, на подготовку которых латиноамериканские страны затратили 3200 млн. долларов. «Утечка умов» представляет не только коммерческую операцию, выгодную монополиям, но в первую очередь акцию по организации «интеллектуального голода», обострению нехватки кадров, она облегчает тем самым идеологическую инфильтрацию, проникновение суррогатов «массовой культуры».

Суверенитет социалистических стран является надежной гарантиейобретенных народом прав и свобод, в том числе и его права на доступ к подлинным благам науки и культуры в целях всестороннего развития личности. Законы социалистических стран запрещают пропаганду войны в любых формах, проповедь насилия, человеконенавистничества, аморализма, исключают распространение идей расовой или национальной розни и ненависти, унижающих национальное достоинство того или иного народа, умаляющих его вклад в развитие культуры. Было бы аб-

сурдным предполагать, чтобы во имя «свободного обмена идеями и информацией» мы отказались от таких законов. Это отнюдь не послужило бы делу сближения между народами, развитию обмена подлинными культурными ценностями. Выступая знаменосцем общественного прогресса, социализм создает все условия для подъема культуры всего народа, ставит надежный заслон нравственному разложению общества, искореняет факторы, порождающие духовное обнищание личности.

От культа потребления к „обществу воздержания“

Гаргантюа, персонаж сатирического романа Рабле, вполне соответствовал потребительским стандартам, ибо его образ жизни представлял перемежающийся цикл обжорства, праздности и сна: «пил, ел и спал, ел, спал и пил, спал, пил и ел».

Парижский скряга и ростовщик Гобсек в этом отношении представлял полную противоположность Гаргантюа. Бальзак создал типичный образ буржуа, для которого всепоглощающей страстью стала чудовищная жажда накопления. В его душе погоня за золотом вытеснила все человеческие чувства, и она стала похожей на выжженную пустыню. Стремление к наживе превратилось в самоцель при отказе от наслаждения, даруемого деньгами. После смерти Гобсека в соседней комнате оказался склад всевозможных припасов и товаров, испорченных червями и насекомыми или просто сгнившими.

Гаргантюа и Гобсек — представители разных эпох с присущими им типами характеров, которые кажутся совершенно несовместимыми. Однако действительность порождает такие явления, такие социальные типы, в которых сочетаются, казалось бы, и несовместимые черты.

К. Маркс убедительно показал, что капиталист в зависимости от обстоятельств либо становится проповедником культа потребления, либо придерживается «философии воздержания». Движущим мотивом деятельности капиталиста, «фанатика увеличения стоимости», является всепоглощающая страсть к обогащению, в его лице капитал как бы наделяется сознанием и волей. Маркс писал: «С развитием капи-

талистического способа производства, накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Он чувствует «человеческие побуждения» своей собственной плоти, к тому же он настолько образован, что готов осмеивать пристрастие к аскетизму как предрассудок старомодного собирателя сокровищ... К тому же капиталист обогащается не пропорционально своему личному труду или урезыванию своего личного потребления, как это происходит с собирателем сокровищ, а пропорционально количеству той чужой рабочей силы, которую он высасывает, и тому отречению от всех жизненных благ, которое он навязывает рабочим»¹. Призыв к «аскетическому воздержанию» буржуазия, как правило, адресует «другим», тем, кто создает прибавочную стоимость. «Философия скверны» по своему содержанию представляет последовательное выражение эксплуататорской сути присвоения чужого труда.

Известно, что потребление в системе ценностей буржуазного образа жизни далеко не всегда занимало то место, которое ему стали отводить на современном этапе развития капитализма. В эпоху первоначального накопления капитала скорее имеет место нечто противоположное культу потребления — проповедь аскетизма и воздержания. В свое время немецкий буржуазный социолог М. Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.), устанавливая связь между так называемым «капиталистическим духом» и заповедями протестантизма, пытался представить капитализм как апофеоз «рационально организованного труда». Он утверждал, что буржуазная алчность якобы ни в коей мере не тождественна капитализму, его «духу». Стремление к наживе, по М. Веберу, свойственно «людям всех типов и сословий» во все эпохи и во всех странах мира и капитализм ставит своей целью обуздить эту иррациональную страсть путем рационального регламентирования. «Идеальный тип» капиталистического предпринимателя апологетически характеризуется как воплощение «экономического рационализма», им движет призвание «давать людям работу».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 607.

М. Вебер признает, что по мере развития капитализма внешние блага стали приобретать растущую и в конечном счете неотвратимую власть над людьми. Стремление к ним превратилось в самоцель, что, как мы видим, не исключено и при аскетическом накопительстве.

Буржуазные социологи, усматривающие заслуги капитализма в рационализации человеческой деятельности, игнорируют тот факт, что капитализм вводит в ранг высшей ценности не трудовую деятельность как таковую, а деятельность по извлечению, накоплению и приумножению капитала. Идеализация и апологетика капитализма пронизывают их схемы возникновения буржуазного образа жизни и склада мышления. Нарисованная ими картина противоречит исторической действительности и очень близка по своему духу к библейскому мифу о происхождении богатства, по поводу которого К. Маркс в «Капитале» высказал ряд саркастических замечаний и согласно которому бережливость и труд в поте лица являются единственными средствами обогащения.

В прошлом некоторые дворянские роды в погоне за титулами вписывали в свои родословные именных людей. Буржуа пытается вести свою родословную от рачительных предков, трудом рук своих, бережливостью скопивших капитал. Но эта идиллия не соответствует исторической правде. По своему происхождению, как и по своей сущности, капитал носит хищническо-паразитический характер.

Мы уже приводили выше высказывание К. Маркса о том, что капитал при своем появлении источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят. Насильственный сгон крестьян с принадлежащих им земель, захватнические войны, колониальный грабеж, работторговля, подкупы, кровавое законодательство, разграбление церковных имуществ, узурпация и расхищение общинной собственности — вот далеко не полный перечень того, что повлек за собой капитал при своем появлении на свет.

Потребительская ориентация, потребительско-хищническое отношение к жизни неотделимо от мировоззрения буржуазии со времени ее возникновения как класса. В концепциях «общества потребления» проявились наиболее характерные черты подобного

отношения, нашел отражение буржуазно-предпринимательский взгляд на материальное благополучие как на достигаемое любым путем.

Сторонники этих концепций в буржуазной идеологии обычно пытаются представить марксизм как теорию, которая якобы забывает «человека с его потребностями», ратует за «производство ради производства», игнорирует рост потребностей и значение борьбы за их удовлетворение.

Между тем основоположники марксизма-ленинизма уже в своих первых произведениях подвергли острой и аргументированной критике уравнительно-аскетические взгляды, проповедуемые некоторыми социалистами-утопистами. Они неоднократно отмечали, что принцип «всеобщей уравнительности», жесткой регламентации потребностей, их волюнтаристского ограничения ничего общего не имеет с научной теорией и практикой коммунистических преобразований, идет вразрез с коренными интересами трудящихся. Характерно в этом отношении, что К. Маркс и Ф. Энгельс, критикуя бакунинско-нечаетевые взгляды как образчик «казарменного коммунизма», подчеркивали прямую связь попыток ограничить потребление с антидемократическими тенденциями установления авторитарной власти, со стремлениями с помощью этой власти внушить другим: «надо много работать, с тем чтобы мало потреблять».

Основоположники научного коммунизма всегда поддерживали борьбу рабочего класса за улучшение непосредственных материальных условий жизни,

В. И. Ленин подчеркивал, что действующий и в условиях капитализма «закон возвышения потребностей» способны оплакивать как «ретресс» только отъявленные реакционеры¹.

Коммунистические партии капиталистических стран ведут последовательную борьбу за интересы трудящихся, отстаивают любую возможность улучшения уровня жизни трудящихся, удовлетворения их нужд и потребностей. Они выступают против тех, кто пытается противодействовать этому, прикрываясь авантюристическим лозунгом: «Чем хуже, тем лучше».

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 101—102.

В условиях реального социализма постоянное удовлетворение растущих потребностей трудящихся становится целью практической политики, деятельности государства. Социальная справедливость, полная занятость, стабильные цены, рост материального благосостояния и обеспечение в старости — все это и многое другое представляют реальные завоевания социализма. Именно социализм создает все предпосылки для участия трудящихся в управлении производством и общественными делами, для доступа их к ценностям национальной и мировой культуры, для развития их способностей.

На XXV съезде КПСС отмечалось: «Коммунисты — не сторонники аскетизма, искусственного ограничения потребностей людей. Напротив, свойственное коммунистическому обществу полное и свободное раскрытие всех способностей человека, его творческих сил предполагает и создание благоприятных материальных условий жизни. Но наш социалистический стиль жизни исключает расточительство, бессмысленную трату материальных ценностей, труда, энергии, которые имеют место в условиях капитализма»¹.

Буржуазия, проповедуя устами своих идеологов потребительское «прожигание жизни» или, наоборот, призывая к аскетическому воздержанию, в каждом случае преследует свои интересы.

Проповедь аскетизма, которую буржуазия и ее идеологи адресуют «другим», представляет лишь по видимости антитезу культу потребления, а на самом деле это единый манипулятивный пропагандистский блок, обеспечивающий более широкую амплитуду идеологического воздействия на сознание людей.

Таким образом, антиномии буржуазной идеологии отражают позицию буржуазии как эксплуататорского класса, обреченного историей. Особенно усиливаются они в современных условиях, когда власть монополий обнаружила свою полную неспособность разрешить назревшие социальные проблемы, справиться с конфликтными ситуациями.

Углубление общего кризиса капитализма, усиливая внутренние противоречия буржуазной идеологии,

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 153.

влечет за собой переоценку ценностей, неожиданные повороты в привычных, устоявшихся представлениях.

Хотя основные цели и задачи буржуазной идеологии и пропаганды остаются неизменными, применяемые ею приемы и методы меняются, становятся все более изощренными. Приспособление буржуазной идеологии к новым условиям выражается в модернизации теоретических доктрин, замене наиболее обветшалых тезисов и пропагандистских стереотипов.

Все это позволяет понять, в частности, и те метаморфозы, которые претерпевает ныне «потребительская модель».

В основе концепции «общества потребления» лежат призывы к «росту ради роста», удовлетворению и подстегиванию потребностей как самоцели. Социальная обоснованность потребностей, их разумная мотивация, их органическая связь с трудом, с духовным ростом личности большей частью игнорируются. Рост потребностей, как таковой, тем более в условиях той деформации, которую они испытывают при капитализме, неизбежно приобретает болезненный характер. Он сплошь и рядом ведет к деградации духовных потребностей, усиливает отчуждение личности, обостряет индивидуалистические и эгоистические тенденции.

Поэтому характерная для «потребительской модели» фетишизация экономического роста не могла не обнаружить своей несостоенности в условиях кризиса, который с такой силой поразил в последнее время государственно-монополистическую экономику. «Капитализм,— говорилось на XXV съезде КПСС,— всячески стремился идти, так сказать, в ногу со временем, применять различные методы регулирования экономики. Это позволяло стимулировать экономический рост, но, как и предвидели коммунисты, не смогло устранить противоречий капитализма¹. Кризисные явления, бесспорно, усилились и из-за постоянно растущих военных расходов. Создаваемые и разжигаемые агрессивными устремлениями милитаристских сил «потребности», как отме-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 28.

чалось выше, носят извращенный характер, деформируют развитие общественного производства.

В этих условиях установки доктрины «общества потребления» не выдержали проверки на практике: широковещательно обещанный рост «массового потребления» монополистическая буржуазия оказалась не в состоянии обеспечить.

Переоценка тех или иных сторон потребительской идеологии происходит в различных формах. Она выражается, например, в обосновании необходимости рационализации процесса потребления. Разжигание страсти к потреблению предполагает потребителя товаров с постоянно растущей платежеспособностью, с довольно высоким уровнем жизни, а главное, с чувством уверенности в завтрашнем дне. Ничего этого капитализм в условиях экономического кризиса, роста инфляции, необеспеченности и нестабильности дать не в состоянии. Заигрывание с «потребительскими инстинктами» в современных условиях все более дает осечку. Поэтому традиционные схемы «общества потребления» претерпевают определенные изменения, корректируются и дополняются новыми элементами.

В этом отношении характерна модель «постиндустриального общества», создатели которой уже не делают акцент на изобилии товаров и их возрастающем потреблении, пытаясь истолковать в духе апологетики капитализма некоторые формы «организованного потребления» в отличие от рыночной стихии. При этом меняются критерии оценок образа жизни и сам подход к нему.

Как известно, некоторая доля материальных благ распределяется через сферу услуг, для которой характерны несколько иные, более сложные и опосредованные механизмы социальных связей, чем это имеет место в прямых отношениях «потребитель — товар».

Д. Белл, обосновывая концепцию «постиндустриального общества», отмечает: «Если индустриальное общество определяется количеством товаров, свидетельствующем об уровне жизни, то постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и удобствами — здравоохранением, образованием, организацией отдыха, развитием ис-

кусств, которые сейчас считаются желательными и возможными для всех». В центре внимания, таким образом, по Д. Беллу, оказывается потребитель услуг, а не товаров. Д. Белл называет эту экономику услуг «нерыночной экономикой благосостояния» и относит к ней торговлю, финансы, транспорт, здравоохранение, отдых, научные исследования, образование и управление. Взамен материальных благ потребителю предлагаются услуги, причем иногда они приобретают довольно эфемерный и абстрактный характер, выступая, например, в форме «разумных управленческих решений». Меняется, по Д. Беллу, не только содержание потребления, сам его процесс становится более регламентированным. По его мнению, «новые науки ввели новый образ жизни», более экономичный, ориентированный на сокращение излишних затрат.

С критикой ажиотажа вокруг потребительских идеалов, с проповедью воздержания и умеренности в потребностях выступают сторонники самых различных концепций.

Влиятельная в американской социологии теория структурно-функционального анализа делает акцент на потребностях системы, а не человека, рассматривая последнего как существо с ненасыщаемыми в принципе потребностями.

Поэтому некоторые буржуазные социологи характеризуют функционализм как теорию аскетизма, мотивируя это тем, что по своей ценностной ориентации он связан с ограничением потребностей и желаний людей, что само понятие духовных ценностей сформировалось в нем в обстановке «экономики дефицита» и навязывалось «бесплотным исполнителям ролей» как средство доминирования тех, кто обладал материальными богатствами, над теми, кто не обладал ими.

Если функционализм исходит из потребностей системы, то идеологи леворадикального толка обычно отвергают формы потребления, навязываемые «истэблишментом», и в противовес культу потребления проповедуют культ бедности и лишений, влагая надежды на спасительное влияние нужды и бедности, связывая с ними духовный рост и самосовершенствование человека.

Подобный «великий отказ» от удовлетворения материальных потребностей людей, как отмечалось выше, не покушается, по сути дела, на основы «потребительского общества». Говоря о необходимости формирования новых потребностей людей, об изменении их стремлений, «жизненных инстинктов», леворадикалы не выходят за пределы индивидуализма, за пределы канонов потребительства.

Культ потребительства и проповедь аскетизма взаимодополняют друг друга в системе установок буржуазной идеологии, что определяется противоречивыми устремлениями буржуазии. Ч. Райх, о взглядах которого уже шла речь выше, трактует конфликт между потребительством и аскетизмом как выражение двойственной природы корпоративного государства, «Для того, чтобы иметь потребителей для непрерывно растущего потока продукции,— пишет он,— государству нужны индивидуумы, живущие ради гедонистических удовольствий, постоянных перемен и возрастающей свободы. А для того, чтобы иметь работников для своей системы производства, государству необходимы индивидуумы все более самоотверженные, самодисциплинированные и чрезвычайно ограниченные. В теории предполагается, что они готовы дисциплинированно трудиться, чтобы обеспечить себе радости потребления. Но теория эта неверна. В отношении некоторых она неверна фактически, потому что тяжелый труд не оставляет ни времени, ни энергии для удовольствий. В отношении других она неверна в принципе, ибо, если их убедили верить в принцип гедонизма, им тяжело соблюдать трудовые принципы». Кроме того, для капиталистического государства чрезмерный акцент на потреблении в системе ценностей образа жизни создает потенциальную угрозу ввиду широкого распространения неудовлетворенности трудом и растущего безразличия к нему. Возникают «мятежи потребителей», поскольку «удовольствия» становятся по своему характеру все менее удовлетворительными и все более антигуманными.

В условиях усилившегося кризиса капитализма сложилась ситуация, которую сами буржуазные социологи определяют как «истощение ценностей потребительского общества». Сегодня «философия

воздержания», проповедь необходимости ограничения потребления охватывает пестрый конгломерат концепций: от откровенных апологетических, оправдывающих антисоциальную политику монополий, до клерикальных. В последних предлагается преодолеть «тираннию» «продуктивизма» и потребительства, которая усматривается в повальном увлечении материальными благами, поработившем всех и явившемся результатом утраты веры в бога. Борьба за свои жизненные права, за удовлетворение материальных потребностей, согласно таким воззрениям, приводит к усилению эгоизма и отчуждения, к расколу общества.

В последние годы на Западе активно разрабатываются концепции «качества жизни», в которых предлагаются различные рецепты избавления от некоторых экзессов потребительства, прежде всего связанных с ориентацией на чисто количественный рост и выражющихся в деформации потребностей.

Если раньше понятие экономического роста в трудах экономистов и социологов на Западе большей частью ассоциировалось с повышением благосостояния, то сегодня среди них растет число тех, кто уже не связывает рост производства с повышением жизненного уровня. Они склонны скорее рассматривать сам экономический рост как негативное явление и призывают ограничиться «нулевым ростом» (Д. Медоуз и др.), рассуждают об общем дефиците материальных благ. Взамен роста валового национального дохода на первый план выдвигается необходимость «придать жизни человека человеческих достойное качество», обеспечить «высокое качество жизни», «органический рост» и т. п.

При этом «качество жизни» выступает как еще более туманная социальная абстракция, нежели «общество потребления», в нее можно вкладывать самый различный смысл. Главное, смазывается определенность количественных показателей, обещание материальных благ ставится в зависимость от духовных факторов, политического поведения (требования приглушить социальные конфликты, развивать чувство партнерства и конформизма). Под «качеством жизни» понимается не только обладание вещами, но и доступ к благам культуры, развитие человеческой

личности, возможность получения образования, движения вверх по социальной лестнице, участия в решениях, социального обеспечения в старости, удовлетворенность трудом и т. п.

Представления о «качестве жизни» в современной буржуазной и реформистской идеологии, по замыслу их авторов, призваны внушить, будто буржуазное общество способно претерпевать какие-то «качественные» изменения, что ныне нет нужды в коренном преобразовании капиталистических общественных отношений.

Концепции «качества жизни» свидетельствуют о том, что, по мере того как расширяется сфера соревнования капиталистической и социалистической общественных систем, буржуазия вынуждена создавать видимость, будто капитализм способен к переменам и может ответить на вызов не только в сфере экономики, но и в социально-политической области, в сфере культуры.

В этом отношении примечательна новая книга американского социолога Д. Белла — «Культурные противоречия капитализма» (1976 г.), в которой он пытается обосновать некую новую «теорию построения современного общества», ставя во главу угла прежде всего процессы, происходящие в сфере культуры. Он отмечает обострившиеся противоречия между ростом бюрократизации в социально-экономической области и стремлением культуры «к полноте самовыражения», которое не находит адекватного выхода. «Сегодня, — с мрачным сарказмом замечает Д. Белл, — когда предается тело, никто не помышляет о спасении души!» Общество расколото и деградирует, и, чтобы избавить его от этого состояния, необходимо, по его мнению, замедлить процесс культурного распада, обеспечить «медленное течение культурной реконструкции». Д. Белл выступает за модернизацию современного капитализма, за приспособление его к новой обстановке, но проекция в будущее лишена у него тех мажорных тонов официального оптимизма, с которыми выступали проповедники культа потребления.

Обещания теоретиков «общества потребления» обеспечить материальное изобилие оказались в конечном счете блефом. Проповедники «нового каче-

ства жизни» обещают преобразование в сфере политики, культуры, образования, социальной структуры, организации досуга в целях удовлетворения «новых потребностей», достижения «полноты жизни».

В конечном счете сущность и концепции «общества потребления» и доктрины «качества жизни» одна, хотя в последнем случае апологетика буржуазного образа жизни носит более тонкий и гибкий характер. В концепциях «качества жизни» просматриваются многие поверженные потребительские кумиры, но приспособленные к «выживанию» в кризисной ситуации. «Примитивному потребительству» противопоставляется его облагороженный и модернизованный вариант. Антипотребительские выпады теоретиков «нового качества жизни», их попытки уравнять под видом некой «общности» потребительский и трудовой образ жизни, преодолеть «манию роста» и «инстинкты потребления» относятся к числу новых изощренных приемов буржуазной пропаганды.

Призывы приостановить экономический рост, замедлить и без того замедленные его темпы направлены против интересов трудящихся. Они находят органическое дополнение во всевозможных проектах «замораживания и приведения в норму» потребностей трудящихся, осуществления планируемого наступления на жизненный уровень трудящихся за ширмой всевозможных программ «жесткой экономии», «оздоровления» и т. п.

Резкое ухудшение экономической конъюнктуры в капиталистических странах в последние годы, безудержная инфляция, падение покупательной способности и жизненного уровня широких масс трудящихся сделали все более неуместным ажиотаж вокруг «потребительских идеалов». Экономические потрясения превратили «общество потребления» в «общество воздержания», жрецы «культы потребления», переквалифицировавшись в сторонников «философии аскетизма», стали призывать к самоограничению.

Сегодня как нельзя более актуально звучит вывод К. Маркса о том, что в конечном счете «причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 26.

Поэтому попытки буржуазных реформаторов преодолеть кризис капиталистической системы за счет ограничения потребления масс совершенно несостоятельны и бесперспективны. Все «программы экономии», занявшие столь видное место в речах политиков буржуазного и реформистского толка, имеют своей целью переложить на трудящихся последствия неспособности буржуазии осуществлять руководство обществом.

«Бюджет сдержанности» — так характеризовали американские обозреватели ассигнования по федеральным социальным программам на 1976 г. 56 таких программ в области здравоохранения, образования, помощи безработным, семьям, живущим в бедности, были либо упразднены, либо урезаны.

«Никогда еще нужда не была так велика», «ограничиться во имя выживания в период дефицита» — таков был унылый рефрен буржуазной прессы, которая в призывах к экономии порой договаривалась до удивительных вещей. Например, на страницах английской «Таймс» были помещены рассуждения о том, что страна могла бы дешевле прокормить себя, вспомнив о рационе военных лет, который выдавался по карточкам. В этот рацион, «очень полезный для здоровья», входило по фунту хлеба и картофеля на день, бутылка молока.

Министерство сельского хозяйства США рекомендовало населению три рациона питания: «свободный», «умеренный» и «дешевый». В своеобразной форме они отражают классовые градации. «Свободный» рацион предусматривает широкий и, по существу, неограниченный ассортимент выбора, вплоть до самых изысканных блюд. «Умеренный» рацион рекомендует достаточно добротную пищу. «Дешевый» рацион рассчитан на материально необеспеченные слои населения, которым рекомендуется есть как можно больше фасоли и макарон и меньше мяса и рыбы. Есть и рацион для «чрезвычайных обстоятельств», который получил внешне безобидное название «экономичный». По мнению специалистов, он не соответствует нормам питания и явно недостаточен для удовлетворения нужд человека в питании.

«Невозможно что-либо накопить, не пытаясь сберечь хотя бы понемногу» — этот банальный афоризм

можно было часто встретить на страницах печати, забывавшей, что на программу «борьбы с нищетой» по бюджету нередко отпускалось столько же, сколько выделялось на оплату транспортных расходов сотрудников государственного аппарата.

Образ жизни людей официально рассматривается как находящийся на уровне бедности в том случае, если их ресурсы недостаточны для удовлетворения минимальных потребностей. Эти люди не имеют достаточного питания, лишены возможности нормально отапливать свое жилье, живут в квартирах и домах, не отвечающих санитарным нормам, и т. д. Это — многие безработные, рабочие низкой квалификации, пенсионеры, инвалиды, мелкие ремесленники, сельскохозяйственные рабочие и т. д. В больницы нередко попадают старики, буквально измученные многолетними лишениями. Смерть от истощения организма, ослабленного недоеданием, констатируется во многих историях болезней.

Опубликованные в Лондоне данные обследования семей с ограниченным доходом показали, что хроническое недоедание является нормой образа жизни многих из них. Вот описание типичного меню семьи с тремя детьми: «Завтрак — овсяные хлопья с молоком и водой; обед — картофель, бобы, хлеб с маргарином; чай («файв-о-клок») — хлеб с патокой; ужин — ничего». Мясо в этом рационе отсутствует. Дети в бедных семьях получают меньше, чем необходимо для нормального физического развития.

Образ бедности в «обществе массового потребления» вторгается сегодня даже на страницы школьных учебников. В одном из учебников французского языка ученикам пятого класса предлагается дать описание «портрета бедного человека» по следующему эскизу: «Портрет бедного, не отверженного, а просто человека мало обеспеченного, вынужденного подсчитывать каждую копейку своих расходов, чтобы жить. Выберите несколько эпизодов из его жизни (или труда): путешествие, спорт, общение — и покажите, как в этих сферах проявляется его боязнь и чувство неполноценности, а также другие отклонения: низменные вкусы, скрытность, недовольство. Для бедного особенно характерны крайний цинизм, издевки, вызывающие манеры, настаивание на своих требова-

ниях». Бедняк в соответствии с типичной буржуазной схемой представляется виновником своих собственных злоключений, отрицательных черт своего характера. Нищета порочна, назидательно поучают буржуа подрастающее поколение, и портрет бедного рисуется черными красками с тем, чтобы он не мог вызвать чувство сострадания как жертва социальной несправедливости.

Экономический кризис, потрясший буржуазное общество, тяжело ударило прежде всего по народным массам, по тем, кто живет своим трудом, повлек за собой новые материальные лишения.

Кризис не оставил камня на камне от аргументов теоретиков «общества всеобщего благоденствия». Он нанес серьезный удар, как мы видели, и по «потребительской модели» буржуазного образа жизни.

Но потребительская идеология удивительно живучая. Кризис начала 30-х годов породил глубокий пессимизм во всей системе буржуазной идеологии. Однако по мере выхода из кризиса, по мере того, как нарастал промышленный бум, стали возрождаться и потребительство, надежды и иллюзии «просперити». Нечто похожее происходит и сейчас. Рассуждения об «оздоровлении» экономики в определенной степени вновь вызывают призраков «общества потребления». Некоторые из буржуазных теоретиков пытаются сделать вид, будто ничего не произошло, а «общество потребления» переживает лишь «временные трудности». Налицо очевидное стремление возвратить к жизни доктрину в несколько модернизированном виде.

В буржуазной социологии уже давно предпринимались подобные попытки в виде создания концепций, которые могли бы хоть в какой-то мере компенсировать очевидные просчеты доктрины «общества потребления», например теория «постиндустриального общества» и др.

Многие буржуазные идеологи разрабатывают свои варианты преодоления конфликта между уровнем потребностей и степенью их удовлетворения при капитализме. Они полагают, что в исторической перспективе акцент на сугубо потребительских ценностях в ущерб духовным, подлинным ценностям культуры негативно влияет на позиции капитализма в

соревновании с социализмом. Отставание в сфере культуры будет сказываться все более катастрофическим образом. Поэтому на смену «обществу благосостояния» должно прийти «общество культуры», уверяют некоторые буржуазные социологи.

Подобное утверждение представляет собой не только замаскированное признание краха доктрины «общества потребления». Это в то же время попытка спасти некоторые ее идеи из-под обломков. Число такого рода попыток навести мосты от потребительских стандартов к некой новой философии «оптимально сбалансированной системы» в последнее время возрастает. Во что выльются эти весьма активные попытки гальванизировать доктрину «общества потребления», покажет будущее.

Продолжающиеся еще попытки поднять на щит потребительские идеалы, внедряя их в сознание широких масс, свидетельствуют об опасности потребительства. Неслучайно пропаганда потребительского отношения к жизни встречает усиливающуюся критическую реакцию. «Потребительская модель» общества является объектом острой и аргументированной критики со стороны ученых-марксистов. Демагогический характер «стандартов массового потребления» разоблачается печатью коммунистических партий и других демократических общественных организаций.

Марксизм-ленинизм противопоставляет потребительским идеалам подлинный гуманизм. Он отвергает стяжательство, эгоистическое желание обладать тем, что, по существу, не нужно, стремление к роскоши и другие качества, призывающие достоинство человека. Он выступает против характерного для потребительской идеологии отрыва процесса удовлетворения материальных потребностей людей от реализации духовного потенциала личности, от проявления и развития ее способностей. Капитализм по самой своей природе порождает такой отрыв. Социализм, ставящий процесс материального производства на службу интересам трудящихся, развитию их творческих способностей, создает все условия для его преодоления.

Содержание

1. Тупики идеологии потребительства	7
2. Тирания вещей и потребительское отношение к человеку	25
3. Милитаризм и его влияние на буржуазный образ жизни	37
4. Разрушение жизненной среды	50
5. Двуликие кумиры буржуазной пропаганды	61
6. Машина принуждения и манипулирования	73
7. Апология безыдейности и индифферентизма	89
8. Суррогаты «массовой культуры»	106
9. От культа потребления к «обществу воздержания»	119

Николай Миронович Кейзеров
Патология потребительства
Критика буржуазного образа жизни

Заведующий редакцией **В. М. Михкалев**

Редактор **Р. К. Медведева**

Младший редактор **О. П. Осипова**

Художник **Л. Ч. Гоцлавский**

Художественный редактор **С. И. Сергеев**

Технический редактор **Л. К. Уланова**

ИБ № 862

Сдано в набор 20 января 1977 г. Подписано в печать
8 апреля 1977 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографи-
ская № 1. Условн. печ. л. 7,14. Учетно-изд. л. 6,61.
Тираж 75 тыс. экз. А 00042. Заказ № 1450. Цена 22 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

22 коп.

